DK599
.S86

В. Строевъ.

755

Очерки
Государства Московскаго передъ реформами.

Изданіе Т-ва
„Донская Рѣчь".
Ростовъ н-Д.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK599
.S86

В. Строевъ.

DK599
.S86

Очерки

Государства Московскаго передъ реформами.

Изданіе „Донская Рѣчь“ въ Ростовѣ на Дону.

Ростовъ на Дону.
Типографія Т-ва „Донская Рѣчь“.
1903.

Дозволено цензурою 15 мая 1903 года. Ростовъ на Дону.

Оглавленіе.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Общественный и государственный бытъ.

I. Состояніе источниковъ для исторіи этого времени. Сословія. Служилые люди „по отечеству“. Служилые люди „по прибору“. Торговые люди. Крестьяне и холопы. Люди „вольные гулящіе“. . . . . стр. 5

II. Власть государя. Патріархъ. Приказы. Воеводы. Губные и земскіе старосты. Гражданское и уголовное судопроизводство, Государственные доходы. Общее состояніе государства. . . 14

III. Всеобщее невѣжество. Злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей. Шпіонство и подобострастіе. Мѣстничество. Отношеніе къ иностранцамъ 26

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Нравы и частная жизнь.

I. Грубость придворныхъ нравовъ. Церемоніалъ и этикетъ. Образъ жизни царицы. Воспитаніе царевичей. Положеніе царевенъ. Соколиная охота. 38

II. Семейная жизнь знатнаго боярина. Браки. Положеніе замужнихъ женщинъ. Поцѣлуйный обрядъ. Обращеніе мужей съ женами. Положеніе дѣвицъ. Нравственный уровень. Столъ. Разбои и грабежи, производимые боярскими холопами. Образъ жизни простого народа. Пьянство. Употребленіе табаку. Заразныя болѣзни 46

III. Набожность русскихъ и ея характеръ. Религіозныя процессіи. Шествіе на осляти. „Пещное дѣйство“. Новолѣтіе. Общій видъ Москвы въ XVII-мъ столѣтіи 60

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Стрѣлецкіе бунты 72

Очерки Государства Московскаго передъ реформами.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Общественный и государственный строй.

I.

Семнадцатое столѣтіе является важной эпохой въ исторіи Русскаго государства. Объединивъ землю подъ своею властью, московскіе Рюриковичи стали строить въ ней порядокъ вполнѣ на національныхъ основахъ, не беря испытаннаго примѣра извнѣ. Такова была работа Іоанна III, Василія III и Іоанна IV; она закончилась полной неудачей. «Великая разруха» Московскаго государства, какъ называли современники смутное время, обратила въ развалины то государство, надъ которымъ трудились эти государи: приходилось строить все сызнова, и эта работа выпала на долю новой династіи—Романовыхъ. Послѣдняя, научившись горькимъ опытомъ своихъ предшественниковъ, стала закладывать фундаментъ новаго зданія уже по испытанному западному образцу, и въ результатѣ, правда послѣ цѣлаго ряда реформъ, выпавшихъ на долю послѣдующихъ поколѣній, получилось то государство, въ которомъ мы теперь живемъ. Такимъ образомъ, въ XVII столѣтіи мы находимся, можно сказать, при построеніи современнаго намъ русскаго государственнаго зданія.

По счастію, относительно свѣдѣній о государственномъ строѣ и бытѣ русскихъ этого времени мы поставлены въ

гораздо болѣе благопріятныя условія, нежели относительно предшествующихъ временъ. Русскій дьякъ Котошихинъ, принужденный бѣжать за границу, оставилъ намъ прекрасное изображеніе государственнаго строя и нравовъ тогдашней Московіи. Ученый нѣмецъ Адамъ Олеарій, случайно попавшій въ секретари посольства, отправленнаго герцогомъ Голштинскимъ къ царю, Алексѣю Михайловичу, воспользовался своимъ путешествіемъ для того, чтобы дать своимъ землякамъ точную и обстоятельную картину мало знакомаго имъ государства. Подобное же описаніе имѣемъ мы и посла австрійскаго императора, барона Мейерберга, или отъ кого-то изъ его свиты. Правда, этихъ писателей можно заподозрить въ ненависти къ Россіи, особенно Мейерберга, но нѣтъ недостатка и въ сочувствующихъ ей писателяхъ, каковы: англичанинъ Коллинсъ, состоявшій врачемъ при Алексѣѣ Михайловичѣ и имѣвшій возможность близко ознакомиться съ нашимъ отечествомъ, архидіаконъ Павелъ Алепскій, оставившій описаніе путешествія въ Московію своего отца Восточнаго Православнаго Патріарха Макарія, и сербъ Юрій Крыжанычъ, который, правда, какъ теперь вполнѣ доказано, прибылъ въ Москву съ цѣлью пропагандировать католицизмъ, но во всякомъ случаѣ былъ проникнутъ горячей любовью къ своимъ русскимъ одноплеменникамъ. Таковы главнѣйшіе писатели о Россіи того времени. Дополненіемъ къ нимъ могутъ служить менѣе видные, каковы напримѣръ: одинъ изъ членовъ англійскаго посольства, отправленный къ Алексѣю Михайловичу Карломъ II, шведскій военный агентъ Эрихъ Пальмквистъ, трудъ котораго недавно изданъ, чехъ, находившійся въ польскомъ посольствѣ въ Москвѣ въ 1678-мъ году, Бернгардъ Таннеръ и др. Задача предлагаемыхъ очерковъ—дать на основаніи всѣхъ этихъ источниковъ въ главныхъ чертахъ общедоступную картину государственнаго и домашняго быта нашихъ предковъ въ XVII-мъ столѣтіи.

Прежде всего разсмотримъ составъ того общества, съ которымъ пришлось имѣть дѣло первымъ Романовымъ

Основаніемъ дѣленія общества были сословныя обязанности, а не права. Все общество дѣлилось на два класса: на служилыхъ людей и тяглыхъ. Первые несли государственную службу, а вторые тягло, т. е. платили подати и налоги. Что касается до служилыхъ людей, то они дѣлились на потомственныхъ или, употребляя старинный русскій терминъ, «по отечеству», и на служилыхъ по набору, которые назывались служилыми людьми «по прибору».

Служилые люди «по отечеству» дѣлились въ свою очередь на три класса: 1) «чины думные» или «чины, что въ думѣ сидятъ», т. е. составляютъ боярскую думу,—высшій правительственный совѣтъ Московскаго государства; 2) «чины служилые московскіе»; 3) «чины служилые городовые», т. е. иногородніе. Вѣнцомъ честолюбія служилаго человѣка было попасть въ боярскую думу, но въ нее назначались обыкновенно только представители болѣе или менѣе знатныхъ родовъ, которые служили въ Москвѣ и составляли второй классъ служилаго сословія. Что касается до третьяго класса, то онъ былъ разсѣянъ по всему обширному государству и служилъ главнымъ образомъ для внѣшней безопасности его. Такимъ образомъ соціальныя подраздѣленія Московскаго государства устанавливались болѣе жизнью, нежели законодательными постановленіями.

Близостью къ царю обусловливалось значеніе того или другого слоя служилыхъ людей. Каждое утро всѣ служилые люди московскіе стекались на поклонъ къ государю, при чемъ низшіе изъ нихъ обыкновенно оставались на крыльцѣ, а болѣе значительные входили въ царскія палаты и тутъ дожидались выхода царя. Съ боярской думой царь совѣщался обо всѣхъ дѣлахъ: начать ли войну или сохранять миръ, принять ли новую землю, которая просилась подъ его высокую руку, и т. д. Это было то учрежденіе, въ пользу котораго сначала была стѣснена власть новой династіи; но оно не могло развиться въ освященное исторіей хранилище національныхъ вольностей, въ родѣ англійскаго парламента, что объясняется отчасти его узко-сослов-

нымъ характеромъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что послѣ Смутнаго времени замѣчается вымираніе высшаго класса служилаго сословія. Въ сохраненномъ Котошихинымъ спискѣ тогдашнихъ боярскихъ родовъ, т. е. родовъ, представители которыхъ сидѣли въ думѣ, мы не находимъ много фамилій, служившихъ прежнимъ царямъ, какъ то: Ряполовскаго, Патрикѣевыхъ, Кошкиныхъ, Курбскихъ, Шуйскихъ и многихъ другихъ. Всѣ они, говоря словами самого Котошихина, «миновали безъ остатку», по большей части истребленные Іоанномъ Грознымъ. На ряду съ этимъ замѣчается демократизація этого слоя общества: въ его рядахъ все чаще появляются представители городового служилаго класса. Таковъ былъ знаменитый оберегатель большой государевой печати (т. е. говоря современнымъ языкомъ, государственный канцлеръ) царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ.

Какъ московскіе служилые люди, такъ и городовые, пользовались правомъ землевладѣнія, правомъ курить вино для своихъ надобностей, что составляло важную привилегію въ Московскомъ государствѣ при существованіи винной монополіи, и свободой отъ налоговъ, въ силу которой они вели даже торговлю по городамъ безпошлинно; тѣмъ не менѣе положеніе городового служилаго класса было очень тяжело вслѣдствіе обязательной службы. Послѣ Смутнаго времени служилое сословіе стало приходить все въ большее изнеможеніе, относительно чего мы имѣемъ краснорѣчивыя данныя изъ офиціальныхъ документовъ того времени. Такъ, про одного изъ городовыхъ служилыхъ людей мы читаемъ, что онъ «головою своею и службою добръ, прежде служивалъ на добромъ конѣ, и простой конь и служилой человѣкъ за нимъ бывалъ, а нынѣ бѣденъ, на Государевѣ службѣ быть ему не съ чего, помѣстья за нимъ съ пустошами 50 частей, а въ помѣстьѣ два бобыля и тѣ бродятъ межъ дворовъ. Государева жалованья ему семнадцать рублевъ и тѣмъ жалованьемъ на службу подняться не съ чѣмъ». Другой также «служивалъ на доб-

ромъ конѣ въ доспѣхѣ и приводилъ съ собою человѣка, а нынѣ бѣденъ, помѣстье и вотчина пуста отъ Литовской войны, и на Государеву службу ему подняться не съ чего». Третьему «на службу быть не съ чего, хотя онъ собою добръ и прежде служилъ исправно». «Въ его довольно значительномъ помѣстьи въ 240 десятинъ «всего одинъ бобыль и тотъ кормится по дворамъ». Въ 1629 году лучшіе выборные тверскіе дворяне заявили, что они отъ Литовской войны и казаковъ обѣднѣли и не въ состояніи подняться, даже при помощи царскаго жалованья. Между тѣмъ всѣ должны были служить; оставались дома только совершенные калѣки и старики. Было одно средство уклониться отъ службы, это—закабалить себя, по древне-русскому обычаю, болѣе состоятельному служилому человѣку, т. е. за извѣстную сумму пойти къ нему въ услуженіе пожизненно или съ нисходящимъ потомствомъ; эти такъ называемые кабальные холопы были свободны отъ всякихъ государственныхъ повинностей. Но Уложеніе царя Алексѣя Михайловича пресѣкло эту возможность, запретивъ служилымъ людямъ итти въ кабалу. Тогда оставался одинъ способъ уклониться отъ службы,—это прятаться на чужомъ дворѣ отъ нея; но въ послѣднемъ случаѣ служилой человѣкъ подводилъ своихъ собратьевъ, такъ какъ все провинціальное служилое сословіе дѣлилось на общества, которыя отвѣчали за исполненіе своихъ обязанностей ихъ членами. Вотъ уже гдѣ мы видимъ зародышъ будущей дворянской корпораціи; но въ изображенное время служилая община не могла обратиться въ сословную корпорацію, такъ какъ имѣла исключительно служилый, такъ сказать крѣпостной характеръ и не обладала никакими сословными правами.

Главной матеріальной силой всего этого слоя служилыхъ людей была земельная собственность, такъ какъ жалованье деньгами было вообще не въ ходу въ Московскомъ государствѣ и выдавалось только при отправленіи въ походъ. Относительно земельной собственности различались

вотчины и помѣстья. Вотчиною называлась исконная земельная собственность того или другого рода, которой онъ распоряжался по своему усмотрѣнію, а помѣстьями—земли, которыми надѣлялся отъ правительства сынъ каждаго служилаго человѣка, какъ скоро онъ становился годенъ для государственной службы, подъ условіемъ послѣдней (это было возможно при тѣхъ огромныхъ пустыхъ пространствахъ земли, которыми располагало московское правительство). Каждый годъ во всѣ концы Московскаго государства разсылались изъ Москвы особыя лица, которыя, прибывъ на мѣсто, надѣляли вмѣстѣ съ воеводами помѣстьями новиковъ, т. е. уже годныхъ къ службѣ сыновей служилыхъ людей. Количества надѣла опредѣлялись знатностью служилаго человѣка, его служебной годностью, а также тѣмъ, имѣлъ ли онъ или нѣтъ кромѣ того вотчину. Нужно замѣтить, что такая система вознагражденія служилаго сословія землей не была особенностью Московскаго государства, такъ какъ ее мы находимъ у многихъ народовъ при слабомъ развитіи государственнаго хозяйства, какъ напримѣръ у франковъ временъ Меровинговъ.

Что касается до служилыхъ людей «по прибору», то послѣдними были по преимуществу нижніе военные чины. Поэтому говоря о нихъ, намъ нельзя не коснуться тогдашней боевой силы Московскаго государства. Главную часть послѣдней составляла конница, которая могла успѣшно дѣйствовать противъ непріятеля въ открытомъ полѣ, но пасовала, какъ скоро встрѣчала препятствіе въ природныхъ условіяхъ мѣстности; въ этомъ иностранцы видѣли главную слабость русской арміи того времени. Конница состояла изъ всего служилаго сословія «по отечеству», которое обязано было являться на войну съ вооруженными на собственный счетъ отрядами своихъ холоповъ и крестьянъ. Была также и пѣхота,—но они составляли незначительную часть московской арміи. Иностранцы обыкновенно принимали ихъ за гвардію московскаго царя, потому что въ торжественныхъ случаяхъ они исполняли обязанности царскихъ

тѣлохранителей; ихъ насчитывалось до 20,000. Кромѣ того въ изображаемое нами время московское правительство стало организовать особые полки по образцу западно-европейскихъ, убѣдившись въ превосходствѣ послѣднихъ во время постоянныхъ столкновеній съ сосѣдними государствами. Это были такъ называемые солдатскіе и рейтарскіе полки; первые были пѣхотными, а вторые конными. Надъ стрѣльцами начальствовали десятники, пятидесятники, сотники, полуголовы (по теперешнему подполковники) и, наконецъ, во главѣ каждаго полка стоялъ стрѣлецкій голова, а рейтарами и солдатами командовали полковники и офицеры, преимущественно изъ иностранцевъ, носившіе иностранные чины. Пальмквистъ даетъ намъ огромный списокъ иностранцевъ, служившихъ въ это время въ московской арміи. Въ стрѣльцы вербовались за опредѣленное жалованье люди изо всѣхъ свободныхъ сословій государства, а въ рейтары и солдаты брали также и крестьянъ, со ста—одного, съ монастырскихъ и другихъ земель*), съ вотчинъ вдовъ и сиротъ служилыхъ людей, а также съ земель тѣхъ дворянъ, которые по состоянію здоровья и другимъ обстоятельствамъ не могли нести лично военной службы. Эти-то стрѣльцы, рейтары и солдаты и были служилыми людьми «по прибору». Такимъ образомъ былъ ужъ сдѣланъ первый шагъ къ организаціи Петровской всесословной арміи на западно-европейскій ладъ.

Кромѣ нижнихъ военныхъ чиновъ служилыми людьми по прибору были также дьяки, т. е. лица, завѣдывавшія канцелярской частью того или другого учрежденія. Они также могли быть изъ разныхъ сословій. Такіе дьяки обыкновенно состояли при воеводахъ въ наиболѣе крупныхъ городахъ. При боярской думѣ были свои дьяки, называвшіеся думными, которые присутствовали въ ней стоя и вели протоколы засѣданія. Хитрые и изворотливые, поставленные въ необходимость пробивать себѣ дорогу ис-

*) По словамъ Коллинса, земли монастырей и различныхъ духовныхъ лицъ составляли около двухъ третей Московскаго государства

ключительно грамотностью и знаніемъ дѣла, дьяки въ изображаемое нами время пріобрѣтаютъ все большее и большее значеніе и начинаютъ конкурировать съ полуграмотнымъ родовитымъ боярствомъ. Таковъ былъ знаменитый дьякъ Тимофеевъ, оставившій великолѣпное описаніе «великой разрухи Московскаго государства», таковы были дьяки Грамотинъ и Алмазовъ, управляющіе Польскимъ Приказомъ; уму послѣдняго отдавали должное всѣ знавшіе его иностранцы. Замѣтимъ, что ужъ въ XVI-мъ столѣтіи наиболѣе даровитый представитель тогдашняго боярства, кн. А. Курбскій, видѣлъ въ дьякахъ большую опасность для своего сословія; а Іоаннъ Грозный имѣлъ ихъ въ виду, когда писалъ своему сопернику, что Богъ и изъ камней можетъ создать чадъ Аврааму.

Таково было дѣленіе служилаго сословія. Тяглое въ свою очередь дѣлилось на два класса: на торговыхъ людей и крестьянъ. Торговые люди представляли изъ себя также нѣсколько слоевъ. Высшій слой его составляли гости; въ это званіе жаловались наиболѣе зажиточные люди, какъ изъ московскихъ, такъ и иногородныхъ торговыхъ людей. Во время Котошихина ихъ было всего 35 человѣкъ, а вели они торги на капиталы отъ 10 до 50 тысячъ. Они имѣли также право курить вино для своихъ расходовъ, какъ и все служилое сословіе, и подобно служилымъ людямъ, имѣть вотчины и крестьянъ. Дальнѣйшія ступени въ іерархіи торговаго сословія представляли: московскіе торговые люди и посадскіе, т. е. иногородніе; естественно, первые стояли выше послѣднихъ, подобно тому, какъ московскіе служилые люди выше городовыхъ. Этимъ слоямъ торговаго сословія было запрещено имѣть крестьянъ и вотчины. Торговые люди, какъ московскіе, такъ и иногородніе дѣлились на сотни и слободы. Такъ въ Москвѣ были двѣ сотни: гостинная и суконная. На торговыхъ людей возлагались также различныя государственныя обязанности, впрочемъ, исключительно финансоваго характера. Такъ, они выбирали изъ своей среды кабацкихъ головъ, завѣдыва-

вшихъ казенной винной торговлей, съ цѣловальниками (товарищами, обязанными подъ крестнымъ цѣлованіемъ, откуда и самое названіе, контролировать дѣйствія головъ) и таможенныхъ головъ съ ихъ цѣловальниками, завѣдывавшихъ таможенными сборами. Нести такую службу было крайне тяжело, такъ какъ состоявшіе на ней не только не получали за это вознагражденія, но еще отвѣчали за недоборы своимъ имуществомъ. Самыя трудныя финансовыя операціи, естественно поручались гостямъ, какъ наиболѣе состоятельнымъ членамъ торговаго сословія; такъ они завѣдывали казенной торговлей собольими мѣхами. Нѣкоторые таможни и кабаки отдавались торговымъ людямъ на откупъ.

Что касается до крестьянъ, то ихъ мы застаемъ въ это время уже вполнѣ въ крѣпостномъ состояніи. По наказамъ писцамъ во время переписи 1646 года крестьянинъ значится со всѣмъ своихъ потомствомъ за господиномъ, на землѣ котораго онъ сидитъ. «Русскіе крестьяне» говоритъ иностранный свидѣтель этого времени «находится въ совершенномъ рабствѣ, и все, что они пріобрѣтаютъ сверхъ своихъ ежедневныхъ потребностей, отбирается отъ нихъ помѣщиками и приказчиками». Однако, положеніе этого сословія все еще отличается отъ положенія холоповъ,—не свободнаго класса населенія, съ которымъ мы встрѣчаемся уже на первыхъ страницахъ русской исторіи и которое все еще продолжаетъ существовать бокъ-о-бокъ съ несвободнымъ крестьянствомъ: крестьянинъ сидѣлъ на землѣ господина и несъ нѣкоторыя государственныя обязанности въ видѣ подати и отчасти, какъ мы видѣли, воинской повинности, слѣдовательно признавался членомъ государства, а холопы составляли дворню и домашнюю прислугу хозяина и не несли никакихъ государственныхъ повинностей. Послѣдніе были рабами въ полномъ смыслѣ слова.

Таковъ былъ сословный строй Московскаго государства XVII столѣтія; въ составъ его не входили только духовенство и такъ называемые «люди вольные гулящіе», или «мірскіе захребетники». Послѣдніе были люди не имѣ-

вшіе, какъ говорится, ни кола, ни двора, уклонявшіеся одинаково и отъ службы и отъ тягла. Обыкновенно они жили на чужомъ дворѣ, откуда произошло и самое названіе «захребетники». «Люди вольные гулящіе» были поистинѣ бѣльмомъ на глазу у московскаго правительства, такъ какъ представляли самый горючій матеріалъ, которымъ могли пользоваться Стеньки Разины и другіе крупные и мелкіе «воры», какими такъ богато было XVII столѣтіе. Правительство жестоко преслѣдовало ихъ, но ничто не помогало, такъ какъ государственная служба и тягло были столь тяжелы, что число лицъ, желавшихъ уклониться отъ нихъ, все увеличивалось. Что же касается до духовенства, то оно не представляло у насъ касты: по словамъ Коллинса, въ Московскомъ государствѣ всякій мірянинъ порядочной жизни могъ сдѣлаться духовнымъ и наоборотъ, значительная часть служилыхъ людей по прибору, особенно дьяковъ, выходили изъ этого сословія. Духовенство въ эту эпоху представляло изъ себя единственное сословіе, свободное по закону, какъ отъ государственной службы, такъ и отъ тягла. Всѣ остальные слои общества были закрѣпощены на служеніе государству.

II.

Теперь перейдемъ къ изображенію государственнаго строя. Послѣднее естественно начинать съ Великаго Государя—этого источника всякой власти въ немъ. Власть московскаго государя вышла изъ Смутнаго времени расшатанной и даже ограниченной: какъ извѣстно, Василія Шуйскаго при вступленіи на престолъ, бояре обязали ничего не дѣлать и никого не судить безъ согласія боярской думы; то же самое было и съ Михаиломъ Федоровичемъ. Котошихинъ ясно указываетъ на это и говоритъ, что Алексѣй Михаиловичъ былъ первый русскій государь, который вступилъ на престолъ безъ ограниченія. Это извѣстіе подтверждается и иностранными писателями: шведскій писатель о Россіи временъ Петра В. Страленбергъ сообщаетъ, что ког-

да шла рѣчь объ ограниченіи верховной власти, на этомъ больше всего настаивалъ будущій основатель династіи Филаретъ Никитичъ Романовъ. Изъ польскаго плѣна онъ прислалъ письмо одному изъ главныхъ представителей тогдашняго боярства Шереметьеву, въ которомъ оправдывалъ низверженіе Бориса Годунова, Самозванца и Шуйскаго, какъ государей, не оправдавшихъ надеждъ избравшаго ихъ народа, и настаивалъ въ томъ, что необходимо ограничить власть того, кто будетъ на этотъ разъ избранъ, кто бы онъ ни былъ. Въ заключеніе русскій іерархъ писалъ, что желалъ бы лучше истлѣть въ плѣну польскомъ, нежели видѣть повтореніе казней Іоанновыхъ. Однако эти ограниченія продержались не долго: причиной этого было прежде всего вымираніе боярства, въ пользу котораго была ограничена верховная власть; затѣмъ тѣ фамиліи, которыя сохранились, далеко не стояли на высотѣ своего призванія. Извѣстно сдѣланное Котошихинымъ описаніе засѣданій боярской думы, гдѣ многіе бояре сидятъ «брады свои уставя, и не знаютъ, что отвѣчать на вопросы царя». Съ другой стороны, многое было въ пользу первыхъ Романовыхъ: за нихъ была слава ихъ предка, знаменитаго боярина Никиты Романовича, который изо всѣхъ бояръ временъ Грознаго одинъ попалъ въ народныя пѣсни—въ это лучшее выраженіе народныхъ симпатій; затѣмъ Филаретъ Никитичъ, ставъ ближайшимъ совѣтчикомъ своего царственнаго сына, своею опытностью въ дѣлахъ много способствовалъ возвышенію авторитета царствующаго дома. Точно также и личность второго Романова—Алексѣя Михайловича не мало содѣйствовала этому: самые враждебные Россіи иностранцы отдаютъ должное его кротости и справедливости. Мейербергъ и Олеарій одинаково удивляются тому, какъ этотъ государь, имѣя полное право надъ собственностью каждаго изъ своихъ подданныхъ, относится къ ней съ примѣрной добросовѣстностью. Наконецъ, въ описываемое время Московское государство постоянно находилось въ опасности со стороны внѣшнихъ враговъ, а общій историческій законъ гласитъ,

что внѣшняя опасность содѣйствуетъ усиленію центральной власти. Поэтому уже власть Алексѣя Михайловича производила на иностранцевъ такое же впечатлѣніе, какъ нѣкогда на Герберштейна власть Василія III. Правда, рядомъ со свѣтскимъ государемъ стоялъ другой государь—царскій богомолецъ, глава Московской церкви, патріархъ, который даже носилъ титулъ Великаго государя, и были моменты, когда можно было опасаться двоевластія. Наиболѣе выдающійся изъ нашихъ іерарховъ этого времени, патріархъ Никонъ, даже прямо ставилъ свою власть выше царей, говоря, что не патріархъ помазуется царемъ, а царь патріархомъ; но его стремленія не нашли сочувствія въ окружающемъ обществѣ, а его преемники по своимъ дарованіямъ и авторитетамъ не могли стоять на той же высотѣ, какой достигъ геніальный самоучка-мордвинъ.

Центральныя учрежденія Московскаго государства этого времени, такъ называемые приказы (нѣчто въ родѣ современныхъ министерствъ), отличались чрезвычайной пестротой, которая обусловливалась тѣмъ, что дѣла между ними были раздѣлены не на одномъ и томъ же основаніи: нѣкоторые приказы вѣдали какія-нибудь опредѣленныя дѣла на протяженіи всего пространства государства, а другіе—тѣ или иныя части его во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, возникшій при царѣ Алексѣѣ былъ его личной канцеляріей, Посольскій вѣдалъ дипломатическія дѣла, Разрядный—военныхъ и служилыхъ людей, Большого дворца—царскій дворъ и царскіе доходы, Стрѣлецкій—стрѣльцовъ и т. д., но на ряду съ этимъ, приказъ Новгородская четверть вѣдалъ города: Великій Новгородъ, Псковъ, Нижній Новгородъ, Архангельскъ, Вологду и поморскіе города; Приказъ Устюжская четверть—Великій Устюгъ; Приказъ Костромская четверть—Ростовъ, Кострому и т. д. Кромѣ того, нѣкоторые приказы вѣдали тѣ и другія дѣла въ отдѣльныхъ частяхъ государства: такъ новая четверть вѣдала, то, что мы называемъ теперь неокладными сборами, только въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ суще-

ствовали судные приказы: Владимирскій и Московскій. Наконецъ, дѣло осложнялось еще: 1) системой Московскаго государства приписывать доходы съ того или другого города на расходованіе въ той или другой отрасли государственнаго управленія; такъ, напримѣръ, Польскій приказъ собиралъ доходы на свои нужды съ пяти городовъ и 2) тѣмъ, что подъ вѣдомствомъ одного приказа иногда соединялись совершенно различныя дѣла; такъ, Приказъ Тайныхъ дѣлъ вѣдалъ еще гранатныхъ мастеровъ и царскую соколиную охоту. Во главѣ приказовъ стояли члены высшаго правительственнаго совѣта, окольничіе и бояре, а при нихъ дьяки. Всего приказовъ было до сорока. Такимъ образомъ центральная московская администрація представляла изъ себя крайне сложную и неуклюжую машину. Для того, чтобъ сколько нибудь упростить ее, правительство стало соединять подъ завѣдываніемъ одного и того же лица по нѣсколько приказовъ: такъ Олеарій говоритъ, что во время его пребыванія въ Москвѣ приказами Иноземскимъ, Рейтарскимъ и Большой казны завѣдывалъ одинъ Илья Даниловичъ Милославскій, тесть царя; точно также нѣсколькими приказами завѣдывалъ бояринъ Гавріилъ Гавріиловичъ Пушкинъ,—но и этимъ ничего не достигалось.

Высшей областной администраціей этого времени являлись воеводы, посылавшіеся изъ московскихъ служилыхъ людей, обыкновенно не болѣе какъ на два или на три года. Воеводы сидѣли по городамъ, къ которымъ обыкновенно принадлежали въ административномъ отношеніи прилегавшія къ нимъ волости, составлявшія ихъ уѣздъ. Въ болѣе значительные города посылались воеводы съ товарищами и дьяками, а въ менѣе значительные—безъ нихъ. Воеводамъ давались при отправленіи подробные наказы о дѣлахъ, которыя они должны были вѣдать, а о дѣлахъ, которыя не были предусмотрѣны, они должны были писать въ Москву; впрочемъ, воеводы нѣкоторыхъ городовъ, которые были нѣкогда пригородами другихъ, должны были сноситься въ подобныхъ случаяхъ не съ Москвой, а съ воеводами послѣд-

нихъ, которые, были надѣлены сравнительно съ другими большей властью и назывались большими воеводами. Такими первокласснымн городами были: Новгородъ, Казань Псковъ, Астрахань, Смоленскъ и Полоцкъ. Кромѣ заботъ о безопасности во ввѣренныхъ имъ областяхъ, на которую указывало само названіе воеводъ, главной обязанностью ихъ являлись судъ и расправа. Однако ихъ власть въ этомъ отношеніи была сильно ограничена: только Сибирскіе, Астраханскіе и Теркскіе воеводы, за дальностью отъ Москвы, имѣли право казнить преступниковъ смертью; что же касается остальныхъ, то только тѣ изъ нихъ, при которыхъ состояли дьяки, могли разбирать гражданскія дѣла свыше ста рублей. Жители же менѣе значительныхъ пунктовъ судились по всѣмъ болѣе или менѣе крупныхъ дѣламъ въ Москвѣ, въ приказахъ, куда они были приписаны. Дѣла, которыя почему бы то ни было оказывались не подсудны приказамъ, восходили на разсмотрѣніе боярской думы и самого государя. Слѣдовательно, централизація была уже доведена до высшей степени.

Кромѣ воеводъ существуютъ по прежнему въ областной администраціи губные и земскіе старосты,—послѣдніе остатки самоуправленія, введеннаго Грознымъ въ лучшую пору своего царствованія. По городамъ сидѣли губные старосты со своими цѣловальниками, избиравшіеся всѣми жителями ихъ уѣздовъ изъ служилыхъ людей, которые по тѣмъ или другимъ причинамъ не несли военной службы (обыкновенно это были совершенно калѣки или старики); на обязанности ихъ лежало ловить воровъ, разбойниковъ и другихъ «лихихъ» людей и судить ихъ. Эта должность по своему происхожденію была выборной и земской, но въ разсматриваемое время получила вполнѣ приказный, т. е. бюрократическій характеръ, такъ какъ однажды избранный губной староста находился уже въ зависимости не отъ своихъ избирателей, а отъ Разбойнаго приказа, которымъ утверждался въ своей должности и откуда получалъ наказъ, подобный тѣмъ, которые давались воеводамъ. Онъ могъ

оставаться всю свою жизнь на своей должности, если имъ были довольны въ Москвѣ; если же прослышатъ, что онъ наплодилъ воровъ, то его требовали въ столицу и тамъ учиняли надъ нимъ экзекуцію. Среди казенныхъ крестьянъ, называвшихся черными, и посадскихъ людей выбирались еще, такъ называемые, земскіе старосты со своими цѣловальниками, которые разбирали разныя мелкія дѣла и собирали подати, поступавшія затѣмъ въ руки воеводъ для отсылки въ Москву. Однако, въ своей дѣятельности они были вполнѣ подчинены воеводѣ; по праздникамъ они носили имъ отъ имени избиравшей ихъ части населенія различные дары, состоявшіе обыкновенно изъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ, и только, если онъ начиналъ злоупотреблять властью, то они, какъ бы вспоминая свое прежнее земское значеніе, ходили къ нему на дворъ, чтобы «лаять» его (спеціальный терминъ для обозначенія такого рода ихъ дѣятельности). Такимъ образомъ Московская администрація, какъ центральная такъ и областная, уже до Петра приняла вполнѣ бюрократическій характеръ.

Что касается до приказнаго судопроизводства по гражданскимъ дѣламъ, то оно имѣло такой характеръ. Истецъ подавалъ челобитную на имя судьи, то-есть лица, стоящаго во главѣ того приказа, которому истецъ былъ подсуденъ. Дьяки записывали эту жалобу въ книгу и посылали приставовъ за отвѣтчикомъ, съ котораго они брали подписку о томъ, что онъ явится въ срокъ, назначенный судьей. Если истецъ или отвѣтчикъ не могъ явиться своевременно, то онъ ходатойствовалъ о продленіи срока; если же и тогда та или другая сторона не явилась въ срокъ, то проигривала свое дѣло. По пріѣздѣ въ Москву съ истца и отвѣтчика брали подписку, что они не съѣдутъ изъ Москвы до окончанія дѣла, подъ страхомъ проиграть его. До окончанія дѣла каждая изъ тяжущихся сторонъ имѣла право просить государя о переносѣ своего дѣла въ другой приказъ-если видѣла, что судья настроенъ къ ней враждебно; но если она не сдѣлала этого своевременно, то теряла право жаловать-

ся, когда приговоръ уже состоялся. Въ назначенный срокъ судья спрашивалъ отвѣтчика, готовъ ли онъ отвѣчать на челобитную истца. Если онъ отвѣчалъ, что не готовъ, то ему давалось время на подготовку, но при этомъ ему не показывалась самая челобитная. Если онъ отвѣчалъ, что готовъ, то ему давали противень, то—есть копію съ нея, и предоставлялось составить отвѣтъ на нее. Затѣмъ истецъ и отвѣтчикъ прикладывали къ дѣлу свои руки, а приказный подъячій составлялъ изъ него выписку, на основаніи которой судья и дѣлалъ свое заключеніе. Если отвѣтчикъ оказывался виноватъ, то съ него взыскивалось пошлины въ пользу казны 10 денегъ*) съ рубля и сверхъ того «проѣсти и волокиты» (судебныя издержки) въ пользу истца. Если онъ не былъ въ состояніи заплатить ихъ истцу, то его ставили на правежъ, то есть били публично палками и обязывали отработать долгъ истцу. Денежныя дѣла рѣшались исключительоо на основаніи письменныхъ документовъ. Понятно, насколько при такой формѣ судопроизводства имѣющій дѣло зависѣлъ отъ приказныхъ людей, равно какъ и то, какія затрудненія представляла для иногороднихъ жителей необходимость ѣздить по сравнительно ничтожнымъ дѣламъ въ Москву; въ челобитныхъ городовыхъ служилыхъ людей этого времени мы находимъ жалобы на то, что они отъ московской волокиты разорились больше, нежели отъ непріятельскихъ нашествій.

Въ уголовныхъ дѣлахъ примѣнялись пытки для того, чтобы вызвать у подсудимаго признаніе и заставить его выдать своихъ соумышленниковъ. Въ этомъ отношеніи наши предки доходили до виртуозности. Вотъ какъ Котошихинъ описываетъ пытку воровъ (слово «воръ» имѣло въ старой Руси болѣе широкое значеніе и обозначало вообще злодѣя): съ вора снимали рубашку, связывали ему ноги ремнемъ, а руки веревкой, и подымали его при помощи этой веревки на висѣлицу, (это такъ называемая дыба); при этомъ палачъ становился на ремень, которымъ связаны но-

*) Деньга=1/2 копѣйки.

ти пытаемаго, и наносилъ ему удары кнутомъ изъ ремня толщиною въ палецъ, такъ что всякій разъ онъ прохватывалъ чуть не до костей. Если же воръ и послѣ этого не сознавался, то пускались въ ходъ огонь и желѣзные клещи, которыми ломали ребра... Наконецъ, если и это не помогало, то у вора выбривали голову и капали на нее холодной водой... По словамъ Коллинса, нѣкоторыя изъ испытавшихъ такую пытку говорили ему, что это самое ужасное мученіе, такъ какъ каждая капля «равнялась удару ножа въ сердце»... Если таковы были пытки несознавшихся въ преступленіи, то не менѣе жестока была, конечно, и расправа съ повинившимися преступниками: за первую кражу рѣзали одно ухо и заключали на два года въ тюрьму, предварительно наказавъ кнутомъ; за вторую—рѣзали другое ухо и ссылали въ Сибирь; за третью полагалась смертная казнь. Правда Олеарій говоритъ, что въ Московскомъ государствѣ за воровство не полагается смертная казнь, но уложеніе царя Алексѣя Михайловича ясно опровергаетъ это.

Что касается до наказанія кнутомъ въ Московскомъ государствѣ, то вотъ какъ описываетъ Олеарій совершеніе его надъ восьмью мужчинами и одной женщиной, обвинявшимися въ незаконной продажѣ табаку и водки. «Преступники», пишетъ онъ: «передъ приказомъ, называемымъ Новая четверть (нѣчто вродѣ нынѣшняго Департамента Неокладныхъ Сборовъ), должны были обнажить свое тѣло по поясъ и прилечь на спину стоящаго на ногахъ прислужника палача, охвативъ руками шею этого прислужника. Ноги преступниковъ были крѣпко связаны и сдерживались за конецъ веревки другимъ прислужникомъ палача, такъ что подвергавшійся наказанію не могъ свободно двигаться ни вверхъ, ни внизъ. За преступникомъ становился палачъ въ трехъ добрыхъ шагахъ отъ него и начиналъ длиннымъ и толстымъ кнутомъ наносить ему удары по спинѣ изо всей силы, такъ что послѣ каждаго удара кровь выступала и струилась внизъ по тѣлу преступника. Рѣзкость удара еще

увеличивалась тѣмъ, что на концѣ кнута обыкновенно прикрѣплются три ремня длиною въ палецъ изъ жесткой невыдѣланной лосинной кожи, которые рѣжутъ словно ножи. Передъ исполненіемъ наказанія служитель судьи, находившійся тутъ же, прочелъ по особой запискѣ, сколько ударовъ должно было дать каждому изъ преступниковъ и, затѣмъ, когда означенное число ударовъ было нанесено, онъ кричалъ: «полно», т. е. довольно. На этотъ разъ мужчины получили отъ 20-ти до 26-ти ударовъ, а женщина 16 ударовъ, послѣ которыхъ она упала безъ чувствъ. По исполненіи этого наказанія на спинахъ несчастныхъ не осталось цѣлой кожи даже ни на палецъ шириной, и они имѣли видъ животныхъ, съ которыхъ содрана была кожа. Тѣмъ не менѣе, послѣ всего этого каждому виновному въ продажѣ табаку привѣшивалась на шею пачка съ табакомъ, а продавцамъ водки также на шею водочная фляга или склянка, и въ такомъ видѣ, связанныхъ за руки по-парно и сопровождаемыхъ по обѣ стороны прислужниками палача, преступниковъ провели сперва изъ города, а затѣмъ обратно въ Кремль, и во все время продолжали бить ихъ кнутомъ».

За кражу, соединенную съ поджогомъ или убійствомъ, полагалась смерть; за поддѣлку фальшивыхъ монетъ заливали горло расплавленнымъ металломъ, а за ересь и волшебство, преступленіе всегда мнимое, подвергались сожженію живымъ *). Особенно интересно отношеніе уголовнаго законодательства того времени къ преступленіямъ противъ членовъ семьи: женщинъ за мужеубійство закапывали живыми до груди и оставляли въ такомъ положеніи на съѣденіе собакамъ, которыя въ описываемое время стаями бродили по Москвѣ, тогда какъ, по словамъ Коллинса, за убійство жены, если она провинилась, вовсе не полагалось наказанія; и дѣйствительно, въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича совершенно не предусмотрѣно этого преступле-

*) Коллинсъ такъ описываетъ казнь еретика: онъ выходилъ на кровлю небольшого домика и оттуда спрыгивалъ во внутренность его, при чемъ на него бросали зажженыя лучины и солому, пока пламя не задушало его.

нія. Точно также за убійство отца или матери сыномъ или дочерью полагалась смертная казнь, тогда какъ въ обратномъ случаѣ только годъ заключенія и всенародное покаяніе. Мало того, въ Уложеніи приказано не только не принимать какой либо челобитной отъ сына или дочери на отца или мать, справедлива ли она или нѣтъ, но даже подвергать подающаго наказанію кнутомъ. Такимъ образомъ, московскій уголовный кодексъ освѣщалъ самый грубый семейный деспотизмъ, который, не будучи смягченъ никакими нравственными ограниченіями, проявлялся, какъ мы увидимъ во второмъ очеркѣ, самымъ чудовищнымъ образомъ. Само собой разумѣется, законъ былъ особенно безпощаденъ въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было заподозрить умыслъ противъ верховной власти. Такъ, по словамъ Коллинса, одному стрѣлку, который, стрѣляя въ скворца, нечаянно попалъ въ царскій дворецъ, было приказано отрубить руку и ногу; по словамъ того же автора, полагалась смерть тому, кто передастъ, о чемъ говорится при дворѣ; за всякіе вообще непріятные для правительства разговоры рѣзали языки. За менѣе тяжелыя преступленія полагалось наказаніе батогами. Послѣднее состояло въ слѣдующемъ: съ преступника снимали все до рубахи и клали его животомъ на землю, а затѣмъ двое садились, одинъ на ноги, а другой на голову, и били его гибкими прутьями по спинѣ подобно скорнякамъ, выбивающимъ мѣхъ. Приведеннаго достаточно для того, чтобы изобразить весь ужасъ русскаго уголовнаго судоороизводства XVII-го столѣтія. Въ немъ нельзя не видѣть вліянія монгольскаго ига, такъ какъ, Кіевская Русь не знала подобнаго варварства, а лучшій изъ ея князей, Владиміръ Мономахъ, въ принципѣ осудилъ смертную казнь, завѣщавъ своимъ дѣтямъ: «Ни права, ни крива не убивайте».

Олеарій пишетъ, что въ Московскомъ государствѣ, если кто нибудь обвинялъ другого безъ достаточнаго основанія, то судья, будучи принужденъ рѣшать дѣло присягой, спрашивалъ прежде обвиняемаго: «хочетъ ли онъ взять на

свою душу и на спасеніе присягу»? Когда онъ отвѣчалъ утвердительно, то брали крестъ величиною въ пядень, держали этотъ крестъ передъ присягающимся, и этотъ послѣдній крестился и цѣловалъ его; затѣмъ снимали со стѣны образъ и заставляли также приложиться къ нему. Присягнувшій такимъ образомъ даже и въ правомъ дѣлѣ не смѣлъ принимать св. Причастія иначе, какъ только по истеченіи трехъ лѣтъ. Если же было дознано, что присяга была дана ложно, то виновнаго сѣкли кнутомъ и ссылали въ заточеніе въ Сибирь, лишая его св. Причастія, пока онъ не будетъ при послѣднемъ издыханіи.

Для того, чтобы окончить изображеніе московской государственной машины, намъ остается сказать объ источникахъ государственныхъ доходовъ. Изъ послѣднихъ прежде всего нужно указать на лежащую на всѣхъ неслужилыхъ классахъ общества прямую подать. Обыкновенно она раскладывалась правительствомъ гуртомъ, то есть опредѣлялось все количество подати, которое должно было внести то или другое тяглое общество, посадское или сельское, а затѣмъ послѣднему предоставлялось самому разложить ее на своихъ членовъ. Гдѣ были земскіе старосты, эту обязанность исполняли они; въ городахъ подать раскладывалась «по животамъ и промысламъ», а въ деревняхъ сначала по землѣ, а затѣмъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ— по дворамъ. Послѣ прямой подати шли таможенные сборы. По словамъ англичанина изъ свиты гр. Карлейля, оставившаго описаніе его путешествія, московское правительство брало 5% со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Не малой статьей доходовъ московскаго правительства являлись также государственныя монополіи. Такова была прежде всего винная монополія («царевъ кабакъ»), которая большею частью сдавалась на откупъ. Изъ другихъ отраслей торговли, составлявшихъ достояніе государства, укажемъ на добываніе икры на низовьяхъ Волги и торговлю соболями, которая, какъ мы видѣли, обыкновенно поручалась гостямъ. Въ Московскомъ государствѣ существовали также

и косвенные налоги на различныя отрасли потребленія. Такъ, напримѣръ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича былъ введенъ соляной налогъ, который довелъ цѣну соли до чудовищныхъ размѣровъ, что вызвало бунтъ среди народа. Наконецъ, государство являлось наслѣдникомъ послѣ всѣхъ умершихъ безъ духовнаго завѣщанія, осужденныхъ на смерть и бездѣтныхъ, что было, впрочемъ, обычнымъ въ то время явленіемъ во всѣхъ странахъ европы. Всѣ эти доходы составляли огромную цифру, приводившую въ изумленіе иностранцевъ *), но ихъ все таки не хватало на покрытіе расходовъ государства, въ виду постоянной внѣшней опасности, тяготѣвшей надъ Россіей въ продолженіе всего XVII-го столѣтія со стороны Польши, Швеціи и Крыма, и вызывавшей напряженіе всѣхъ ея силъ.

Въ экстренныхъ обстоятельствахъ правительство прибѣгало къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Такъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ, во время войны за Смоленскъ, все населеніе Московскаго государства должно было платить пятую часть своихъ доходовъ (5-ую деньгу), а при Алексѣѣ Михайловичѣ десятую (10-ую деньгу). Въ подобныхъ случаяхъ правительство, по словамъ Коллинса, дѣлало также займы у духовенства и монастырей, въ рукахъ которыхъ были сосредоточены огромные капиталы «съ отдачей ad calaendas qraecas» латинское выраженіе, соотвѣтствующее нашему: «послѣ дождика въ четвергъ». Наконецъ, отмѣтимъ, что уже въ то время въ Московскомъ государствѣ была сдѣлана первая попытка государственнаго кредита. Въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича была выпущена мѣдная монета по принудительной цѣнѣ, равной цѣнѣ серебряной, (такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мѣдныя деньги вполнѣ соотвѣтствовали нашимъ бумажнымъ деньгамъ, имѣющимъ принудительную стоимость); но эта попытка кончилась вполнѣ неудачно, во-первыхъ, вслѣдствіе того, что въ

*) По словамъ одного нѣмца, одинъ Архангельскъ доставлялъ въ годъ 300 тысяч рублей. Для того, чтобы составить понятіе о колоссальности этой цифры, надо принять во вниманіе, что одинъ тогдашній рубль равнялся двадцати теперешнимъ.

государствѣ не смотря на строгія преслѣдованія, появилось множество фальшивыхъ монетчиковъ, а во-вторыхъ, самъ бояринъ Милославскій, тесть царя, стоявшій во главѣ Приказа Большой Казны, завѣдывавшаго чеканкой монеты, не стѣснялся ради наживы выпускать неимовѣрное количество мѣдной монеты, въ результатѣ чего было страшное паденіе ея цѣнности и, слѣдовательно, повышеніе цѣны всѣхъ съѣстныхъ продуктовъ. Особенно страдали отъ этого служилые люди, которымъ жалованье платилось мѣдной монетой по номинальной цѣнѣ; въ результатѣ былъ бунтъ, ознаменовавшійся самыми ужасными сценами... Такимъ образомъ финансовая политика московскаго правительства вмѣстѣ съ внѣшними войнами ложилась тяжкимъ бременемъ на общество. Поэтому неудивительно, если экономическое состояніе Московскаго государства въ изображаемую эпоху не могло быть блестящимъ. Вотъ какъ характеризуетъ его въ самой половинѣ XVII столѣтія хорошо освѣдомленный Коллинсъ: «Мнѣ извѣстно, что государство бѣдно, малолюдно, и что оно въ десять лѣтъ такъ разорилось, что едва ли въ сорокъ лѣтъ достигнетъ прежняго благосостоянія. Лучшая часть земли опустошена, остальная же не обработана, за недостаткомъ людей. На пространствѣ 500 верстъ вы увидите десять женщинъ и дѣтей на одного мужчину. Всего здѣсь стало мало, все вшестеро дороже прежняго, а мѣдныя деньги потеряли цѣну».

III.

Что касается до общественныхъ нравовъ русскихъ того времени, то Котошихинъ и иностранцы сообщаютъ намъ много свѣдѣній, вовсе не служащихъ въ пользу нашихъ предковъ. Котошихинъ, какъ извѣстно, изображаетъ московскихъ людей своего времени «не искусстными» во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ и видитъ причину этого въ томъ, что они «не штундированы», то есть неучены. То же самое утверждаютъ и иностранцы. «Москвитяне, пишетъ Мейербергъ, безъ всякой науки и образованія, всѣ

однолѣтки въ этомъ отношеніи, всѣ одинаково не знаютъ прошедшаго, кромѣ только случаевъ, бывшихъ на ихъ вѣку, да и то еще въ предѣлахъ Московскаго государства, такъ какъ до равнодушія не любопытны относительно иноземныхъ; слѣдовательно, не имѣя ни примѣровъ, ни образцовъ, которые то же для общественнаго человѣка, что очки, они не очень далеко видятъ очами природнаго разумѣнія»... Въ этомъ отношеніи съ нѣмцемъ, враждебно настроеннымъ къ Москвѣ, вполнѣ сходятся и расположенные къ ней свидѣтели, какъ приближенный къ царю Алексѣю Михайловичу Коллинсъ и славянинъ Крыжанычъ; послѣдній горько сѣтуетъ на то, что, благодаря невѣжеству русскихъ, иностранцы держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю Московскаго государства.

Корыстолюбіе русскихъ равнялось ихъ невѣжеству: Котошихинъ пишетъ, что хотя начальники приказовъ «и чинятъ о посулахъ (взяткахъ) крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имати и дѣлати въ правду по царскому указу и Уложенію, но ни во что ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся, отъ прелестей очей своихъ и мысли содержать не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ, хотя не сами собой, однако, по задней лѣстницѣ черезъ жену или дочерь, или черезъ сына и брата и человѣка, и не ставятъ того себѣ во взятье посулы, будто про то и не вѣдаютъ». То же самое пишетъ о московскихъ воеводахъ Мейербергъ. «Для того, чтобы получить воеводство, говоритъ онъ, необходимо расположить въ свою пользу любимцевъ государя подарками, а чтобъ воротить съ лихвой свои издержки на это, воеводы, не уважая предписаній закона, не довольствуются стрижкой народнаго стада, имъ ввѣреннаго, но не боятся еще съ него сдирать и шкуру въ той увѣренности, что жалобы его не дойдутъ до царскаго слуха, только бы стало добычи, какъ для собственной жадности, такъ и для пріобрѣтенія расположенія тѣхъ любимцевъ... Дѣло не стоитъ у нихъ и за остроумной выдумкой для обиранія

втихомолку своихъ овечекъ, которыя пожирнѣе: они задаютъ пиры и съ каждымъ годомъ чаще зовутъ на нихъ областныхъ дворянъ и купцовъ позажиточнѣе, чтобы, удостоившись такой необыкновенной почести, эти лица приносили имъ щедрые подарки... Приговоры продаются съ торга: рѣшаютъ въ пользу той стороны тяжущихся, кто больше дастъ». По словамъ Олеарія, писцы приказовъ были готовы продать за деньги какую угодно тайну, но при этомъ иногда, боясь возмездія за свой поступокъ, если онъ откроется, они часто сообщали ложь вмѣсто правды. Такъ, напримѣръ, въ 1643-мъ году одинъ знакомый автору иностранный агентъ купилъ такимъ образомъ копію съ царской грамоты, выданной Олеарію для передачи герцогу Гольштинскому запечатанной, которую далъ ему переписать какой-то писецъ, его пріятель. Впослѣдствіи оказалось, что эта копія не имѣла ничего общаго съ подлинникомъ.

Котошихина, Мейерберга и Олеарія можно заподозрить, какъ мы видѣли, во враждѣ къ русскимъ; но тоже подтверждаютъ и расположенный къ русскимъ Крыжанычъ, который даже ставитъ имъ въ примѣръ добросовѣстность турокъ, и русскіе оффиціальные источники. Грамоты того времени наполнены извѣстіями о злоупотребленіяхъ воеводъ и приказныхъ людей. Такъ, въ одной изъ грамотъ въ началѣ изображаемаго нами періода царь пишетъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу и монастырямъ, и служилымъ, и посадскимъ, и уѣзднымъ, и проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства и убытки, и продажи великія, и посулы, и поминки, и кормы емлютъ многіе», и то же самое повторяется въ другой грамотѣ въ концѣ изображаемаго періода по частному случаю—сбору стрѣлецкаго провіанта: «Въ городѣхъ воеводы противъ нашего Великаго Государя указу не исполняютъ, стрѣлецкаго хлѣба сполна не собираютъ для своего лакомства или будетъ за подъячими не смотрятъ, а подъячіе плутуютъ, въ платежахъ стрѣлецкаго хлѣба даютъ сроки для своихъ

корыстей, затѣмъ и книгъ стрѣлецкому платежу не дѣлаютъ и очистки никакой не даютъ, и отъ того на Москвѣ стрѣлецкому хлѣбу учинилась многая доимка и за неочисткой городовыхъ книгъ въ платежахъ споры большіе и о присылкѣ тѣхъ книгъ для очистки спорныхъ статей посылали многіе наши В. Государя грамоты и по тѣмъ нашимъ В. Государя грамотамъ ничего не учинено жъ; знатно то псе чинитца для взятокъ, по наговору съѣзжые избы *) подъячихъ, которые у того дѣла сидятъ и корысть себѣ чинятъ.» Мы узнаемъ изъ такихъ же оффиціальныхъ документовъ, что воеводы по цѣлымъ годамъ не присылали требуемыхъ правительствомъ отчетовъ и денегъ, оставляли царскіе указы безъ исполненія и били присланныхъ съ ними. Такъ, напримѣръ, Томскій воевода Бунаковъ, противно царскому указу, не выпустилъ изъ тюрьмы дѣтей боярскихъ, Сабанскаго съ товарищами и посадилъ въ тюрьму Плещеева за воровство, тобольскихъ же служилыхъ людей, которые были присланы съ царскими грамотами, билъ безъ вины, за что самъ былъ наказанъ кнутомъ. Кромѣ того воеводы верстали незаконнымъ образомъ на службу, не производили слѣдствій по преступленіямъ и не только покровительствовали контрабандѣ и корчемству, но и сами занимались ими въ большихъ размѣрахъ.

Не лучше были губные и земскіе старосты. Такъ, напримѣръ, въ 1614-мъ году шуяне жаловались царю на своихъ губныхъ старостъ: «А онѣ у насъ сиротъ твоихъ, себѣ и конямъ кормъ, и питье изъ кабака, и подводы, и проводника, и сторожа, и понятыя емлютъ ежедневно у однихъ у насъ, да тѣ жъ, Государь губные старосты по язычной молкѣ приводятъ многихъ людей съ пытокъ и сажаютъ на дворѣхъ у насъ, посацкихъ людишекъ, а въ тюрьму въ сторожню не сажаютъ, и намъ, сиротамъ твоимъ Государевымъ, отъ тѣхъ губныхъ старостъ отъ насильства и отъ налога жити невозможно, многіе посацкіе людишки побрели рознь, да и достальные, Государь, людиш-

*) Съѣзжими избами назывались канцеляріи воеводъ.

ки хотятъ разбрестись». Въ 1635-мъ году была подана слѣдующая жалоба на губного старосту Фрола Кишкина: «а насъ сиротъ твоихъ многихъ посадскихъ людей, тотъ разбойникъ Федоръ Замыцкій клеплетъ разбойничьими покупками у прошлыхъ кабацкихъ вѣрныхъ цѣловальниковъ, посадскихъ же людей винною продажею. И губной староста Фролъ Кишкинъ по его, Федора; по клепной молкѣ тѣхъ посадскихъ людей ималъ и домы ихъ печатать А того, Государь, разбойника Федора Замыцкаго съ тѣми посацкими оговоренными людьми съ очей на очи не ставитъ; и на пытку его, Федора, тѣмъ людямъ не даетъ для своей бездѣльно корысти, хотя насъ, сиротъ твоихъ, продать и разогнать розно». Въ 1665 году тѣ же шуяне жаловались царю на своего земскаго старосту: «И будучи онъ, Иванъ, у насъ, сиротъ твоихъ, въ старостахъ, забывъ страхъ божій и крестное цѣлованіе, въ нашихъ мірскихъ дѣлахъ учинялъ многое дурно; а въ денежныхъ приходахъ и расходахъ чинилъ большую хитрость, а себѣ корысть. Да онъ же, староста, подговаривался къ воеводѣ и таможенному откупщику. Пьетъ и ѣстъ съ нимъ безпрестанно и ночи просиживаетъ, и на насъ, сиротъ твоихъ, воеводѣ и откупщику наговариваетъ, и воевода, стакався съ откупщикомъ и имъ, земскимъ старостою, насъ, сиротъ твоихъ, продаютъ и убытчатъ. Да онъ же, староста, будучи у нашихъ мірскихъ дѣлъ, стакався съ воеводой, порядился у уѣздныхъ людей въ цѣловальники къ денежному сбору, и отъ тѣхъ сборныхъ денегъ имѣлъ себѣ большую подмогу, а насъ, сиротъ твоихъ, ввелъ въ смуту съ уѣздомъ и въ остуду большую». Подобныя жалобы не рѣдкость въ изображаемое время. Мало того, правительству приходилось даже вносить въ наказы воеводамъ предписаніе о томъ, чтобы беречь посадскихъ людей отъ насилія и притѣсненій со стороны земскихъ старостъ: до того выродилось это учрежденіе, являвшееся первоначально льготой для общества, и злоупотребленія стали общимъ правиломъ.

Какъ мы видѣли, корыстолюбіе Милославскаго было

причиной бунта; къ такимъ же послѣдствіямъ привело лихоимство окольничаго Плещеева, завѣдывавшаго Земскимъ приказомъ, то есть приказомъ, вѣдавшимъ различные сборы съ московскихъ людей, и принимавшимъ отъ нихъ жалобы другъ на друга. У Плещеева была цѣлая шайка негодяевъ, которые обвиняли несправедливо то тѣхъ то другихъ изъ зажиточныхъ людей Москвы, подвергавшихся вслѣдствіе этого, аресту и затѣмъ освобождавшихся за деньги. Нужно отдать справедливость, что правительство, принимало мѣры противъ такихъ злоупотребленій, но ничего не выходило. Впрочемъ, иначе и быть не могло при бюрократическихъ порядкахъ, которые установились въ это время въ Московскомъ государствѣ: при такихъ порядкахъ граждане, отвыкая принимать участіе въ правительствѣ, начинаютъ смотрѣть на него, какъ на чужую имъ силу, а на государственную службу исключительно съ точки зрѣнія наживы; поэтому лихоимство и казнокрадство были всегда бичами бюрократическихъ монархій. Не смотря на безчеловѣчныя наказанія, о которыхъ мы говорили выше клятвопреступленіе и поддѣлка монеты были обычнымъ дѣломъ въ Московскомъ государствѣ.

Не имѣя возможности ни на кого положиться, правительство прибѣгало къ системѣ шпіонства. По словамъ Котошихина, изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, разсылались подъячіе, которые состояли при всѣхъ послахъ, воеводахъ и другихъ должностныхъ лицахъ для того, чтобы доносить обо всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Коллинсъ говоритъ, что въ Московскомъ государствѣ у царя есть шпіоны, по всѣмъ угламъ, и ничего не дѣлается и не говорится ни на пирахъ, ни на свадьбахъ, ни на похоронахъ, о чемъ бы ему не доносилось. Относительно этого, забавное происшествіе сообщаетъ Мейербергъ, или вѣрнѣе его спутникъ Кальвуччи, оставившій намъ описаніе путешествія этого посла Австрійскаго императора. Однажды, заболѣвъ въ Москвѣ, онъ, какъ самъ итальянецъ (слѣдовательно, это былъ не Мейербергъ, а Кальвуччи), захо-

тѣлъ полечиться у одного итальянца, но какъ онъ ни хлопоталъ объ этомъ, ему постоянно присылали вмѣсто его земляка, одного доктора англичанина. Оказалось, что съ итальянцемъ произошелъ слѣдующій казусъ: онъ лѣчилъ одного плѣннаго польскаго магната, при чемъ говорилъ съ нимъ по латыни и совѣтовалъ ему принимать кремортартаръ (cremoris tartaris); приставъ, состоящій при плѣнникѣ и слышавшій этотъ разговоръ, донесъ государю о томъ, что лѣкарь долго говорилъ съ полякомъ о врагахъ государства—крымскихъ татарахъ. Несчастный иностранецъ былъ арестованъ и, несмотря на всѣ оправданія его, былъ принужденъ долгое время просидѣть въ заключеніи. Въ Московскомъ государствѣ XVII-го столѣтія всегда можно было попасть въ подобную передрягу. Подозрительность московскаго правительства не останавливалась, по словамъ того же Кальвуччи, даже передъ вскрытіемъ писемъ, адресованныхъ на имя иностранныхъ пословъ: многія письма къ нему и гр. Мейербергу доходили вскрытыми. Такая система должна была развращающе вліять на управляемое общество, такъ какъ ничто такъ не убиваетъ въ человѣкѣ общественныхъ инстиктовъ, какъ привычка видѣть въ каждомъ встрѣчномъ шпіона. Къ русскимъ того времени вполнѣ приложимы слова Тацита о римлянахъ временъ Домиціана, что тогда, если сходились трое человѣкъ вмѣстѣ, то имъ приходилось бояться, нѣтъ ли между ними доносчика.

Обманывая на каждомъ шагу свое правительство, русскій человѣкъ XVII-го столѣтія относился къ нему въ то же время съ крайнимъ подобострастіемъ. Это сказалось какъ въ употреблявшихся въ то время обращеніяхъ къ верховной власти, такъ и въ поговоркахъ, которыя были въ то время въ ходу. Всѣ служилые люди, не исключая и самыхъ знатныхъ, именовали себя въ челобитныхъ государю его холопами и писались уничижительными именами безъ титуловъ, напр. «холопъ твой Васька Голицынъ»; посадскіе люди и крестьяне именовали себя «царевыми рабами и сиротами», и только духовенство писалось полными именами

съ обозначеніемъ сана. Иностранцы пишутъ, что наши предки обыкновенно говаривали: «Все Божье и Государево» и «про то вѣдаетъ Богъ и Великій Государь ; послѣднюю пословицу они употребляли въ томъ случаѣ, если что либо приводило ихъ въ недоумѣніе. Такое сопоставленіе человѣка съ Богомъ, такое обоготвореніе перваго, противно духу истиннаго христіанства.

Но, привыкнувъ къ подобострастному отношенію ко власти, московскій служилый человѣкъ не задумывался въ одномъ вопросѣ идти открыто наперекоръ ей; это вопросъ о мѣстничествѣ. Что такое мѣстничество, всѣмъ хорошо извѣстно: это признанный правительствомъ обычай, въ силу котораго служилый человѣкъ могъ занимать то или другое мѣсто за царскимъ столомъ или въ войскѣ при томъ или другомъ начальникѣ на основаніи происхожденія; если онъ считалъ начальника ниже себя породой, то ни за что не хотѣлъ идти подъ его командой. (Поэтому въ Разрядѣ, приказѣ, завѣдывавшемъ службой московскихъ людей, велись особые, ежегодные списки тому, кто при какомъ начальникѣ занималъ какое мѣсто; съ этимъ должны были соображаться и его потомки; это—такъ называемыя разрядныя книги). Легко понять, сколько вреда причиняли такіе счеты въ виду непріятеля. Котошихинъ и иностранцы передаютъ забавныя сцены при дворѣ, имѣвшія своей причиной мѣстничество: посадятъ кого нибудь выше другого, который считаетъ себя родовитѣе того, тотъ падаетъ сейчасъ подъ столъ предпочитая лежать тамъ, нежели положить охулу на свой родъ. Царь велитъ стольникамъ поднять его и держать подъ руки; пока его держатъ, онъ сидитъ: не его, молъ, воля; но, какъ только его отпустятъ, онъ снова валится подъ столъ. На другой день царь выдавалъ бунтовавшаго головой сопернику. Дьякъ съ подъячимъ и приставами отводилъ перваго на дворъ послѣдняго и объявлялъ, что Великій Государь выдалъ ему его головой. Въ это время выданный поносилъ своего соперника всякой бранью, а послѣдній не могъ ему ничего сдѣлать, такъ какъ всякая

обида, нанесенная выданному, считалась нанесенной выдавшему, т. е. государю. Такимъ образомъ правительственный обычай заключалъ въ себѣ явное противорѣчіе. Къ концу разсматриваемаго періода мѣстничество было уничтожено по иниціативѣ либеральнаго вельможи того времени, князя В. В. Голицына

Заносчивый и недобросовѣстный въ отношеніяхъ со всѣми соотечественниками, русскій XV столѣтія былъ, естественно, еще безцеремоннѣе въ отношеніи къ иностранцамъ. Всѣ иностранные путешественники того времени жалуются на несоблюденіе русскими по отношенію къ нимъ даже внѣшней вѣжливости. Такъ, при встрѣчѣ иностранныхъ пословъ, русскіе пристава, назначавшіеся состоять при нихъ, всячески старались, чтобы тѣ первые вынули ногу изъ стремени и стали слѣзать, что считалось признакомъ почтенія. Мало того, приближенный гр. Карлейля, оставившій намъ описаніе его путешествія въ Московію, передаетъ, что, когда однажды за графомъ была послана карета отъ царя, приставъ не постѣснился первымъ вскочить въ нее. Прибывъ въ Москву, иностранные послы оказывались въ своего рода заключеніи, такъ какъ до представленія государю они не могли нигдѣ бывать и никого принимать. Послѣ представленія имъ давалась номинально полная свобода, но на самомъ дѣлѣ они продолжали оставаться подъ неусыпнымъ присмотромъ и въ полномъ отчужденіи. «Входъ къ намъ», пишетъ Кальвуччи, «послѣ представленія государю, по приказанію московитовъ, открытъ былъ для всѣхъ, но на самомъ дѣлѣ для очень немногихъ. Не говоря ужъ о томъ, что никто изъ иностранцевъ не смѣлъ когда либо взглянуть и издали на нашъ домъ, но если какой либо служилый человѣкъ, желая посѣтить насъ, въ видахъ осторожности просилъ на это разрѣшенія у своего начальника, то ему, хотя и не отвѣчали отказомъ, но подавали дружескій совѣтъ, чтобы поудержаться отъ такихъ вѣжливостей, а то, пожалуй, навлечетъ на себя подозрѣніе Великаго князя. Строжайше запрещено было также пускать къ намъ женщинъ, какого бы то ни было званія».

Если таково было положеніе пословъ, находившихся подъ защитой международнаго права, то простой иноплеменникъ всегда рисковалъ въ Московскомъ государствѣ сдѣлаться жертвой внезапно вспыхнувшей нетерпимости правительства. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ Павелъ Алеппскій, самъ православный и при томъ не чуждый нетерпимости. «Прежде иностранцы обитали внутри города, но нынѣшній патріархъ (Никонъ), въ высшей степени ненавидящій еретиковъ, выселилъ ихъ по слѣдующему поводу: идя по городу съ крестнымъ ходомъ, онъ замѣтилъ, что они не сняли своихъ колпаковъ (шапокъ) и не осѣняли себя крестнымъ знаменіемъ. Удостовѣрившись, что это франки *). переодѣтые въ платье москвитовъ, онъ заставилъ царя выселить ихъ не только изъ этого города (Москвы), но изъ всѣхъ другихъ, поселивъ ихъ внѣ городовъ; не выселяли лишь тѣхъ, которые крестились (то есть переходили въ православіе). Ихъ церкви, принадлежащія имъ издревле, разрушали вмѣстѣ съ татарскими мечетями и не дозволяли построить другія за городомъ среди ихъ жилищъ. Въ особенности разрушали церкви армянъ, жителей Астрахани, и самихъ ихъ поселяли за городомъ. По этой причинѣ они были вынуждены вмѣстѣ съ другими племенами открыто креститься ночью и днемъ. Разсказываютъ, что былъ одинъ армянинъ, очень важный купецъ и переводчикъ при царскомъ диванѣ **). Когда вышелъ изъ дивана царскій указъ, чтобы армяне, снявъ московское платье, которое они носили, надѣли свое обычное платье и сбрили бороды, по своему обыкновенію, этотъ купецъ, имѣвшій весьма длинную сѣрую бороду, постыдился ее сбрить и послалъ патріарху пятьдесятъ тысячъ динаровъ, чтобы онъ оставилъ ему бороду, дабы не было ему стыдно передъ людьми на закатѣ его жизни. Но патріархъ отказалъ. Онъ велѣлъ сказать въ отвѣтъ купцу, что если онъ крестится, то станетъ,

*) Слово «франкъ» обозначаетъ на востокѣ вообще западно-европейца.

**) Павелъ Алеппскій, писавшій о Россіи въ Турціи, употребляетъ, говоря о русскихъ учрежденіяхъ, турецкіе термины. Диванъ у него, очевидно, означаетъ Боярскую Думу.

какъ всякій изъ насъ. Но тотъ не пожелалъ, и тогда выгнали армянъ всѣхъ до одного. У нихъ были огромныя каменныя, подобныя царскимъ палаты, которыя они вынуждены были продать московитамъ».

Такія явленія, конечно, не могли расположить иностранцевъ поступать въ русскую службу, когда ихъ стали привлекать туда. Спутникъ гр. Карлейля передаетъ объ одномъ англичанинѣ Гальтгофѣ, который не могъ вернуться на родину, несмотря на вмѣшательство въ его пользу самого англійскаго короля, хотя въ условіяхъ, заключенныхъ имъ съ московскимъ правительствомъ, и было оговорено, что онъ во всякое время можетъ выѣхать изъ государства. Еще ужаснѣе была участь одного находившагося на русской слѣжбѣ нѣмца, о которомъ сообщаетъ Теннеръ. Пробывъ нѣсколько времени на царской службѣ, онъ задумалъ было побывать на родинѣ. Но несчастный за одно это намѣреніе поплатился ужасно: московское правительство, зная, что ему извѣстны всѣ московскія укрѣпленія, и боясь измѣны, предало его суду, а чтобъ онъ не могъ уйти самовольно, приговорило перебить ему руки и ноги, такъ что несчастный принужденъ былъ ползать на четверенькахъ. По словомъ Олеарія, сынъ нѣмца—толмача, пользовавшагося расположеніемъ царя Алексѣя Михайловича, Гансъ Гельмсъ, будучи отправленъ за границу учиться медицинѣ, въ которой сдѣлалъ огромные успѣхи, не хотѣлъ вернуться въ Москву, несмотря ни на какія убѣжденія московскаго правительства. Должно быть солоно приходилось ему въ Москвѣ! Таковы были русскіе этого времени въ общественной жизни. Въ это время было бы напрасно искать какъ горячаго неподкупнаго патріотизма кіевскаго дружинника до-монгольскаго періода патріотизма, который нашелъ себѣ таковое краснорѣчивое выраженіе въ «Словѣ о полку Игоревѣ», такъ и строго опредѣленныхъ традицій и беззавѣтной преданности долгу лучшихъ боярскихъ родовъ, служившимъ московскихъ князьямъ—собирателямъ родовъ, заслуги которыхъ призналъ на смертномъ одрѣ Донской,

которые проявили себя во всемъ блескѣ въ лучшую пору царствованія Іоанна IV и погибли безслѣдно частью во время его казней, частью во время «Великой разрухи». Начавшіе устанавливаться въ это время въ Московскомъ государствѣ бюрократическіе порядки не давали мѣста такимъ политическимъ доблестямъ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Нравы и частная жизнь.

I.

Въ предшествующемъ очеркѣ мы дали характеристику общественнаго строя Московскаго государства передъ реформами Петра Великаго. Теперь посмотримъ на домашнюю жизнь и нравы нашихъ предковъ того времени.

Во всякомъ обществѣ образъ жизни людей различается, болѣе или менѣе, сообразно съ сословнымъ дѣленіемъ ихъ: высшій классъ живетъ такъ; низшій иначе; поэтому, изображая бытъ нашихъ предковъ, намъ придется держаться ихъ общественнаго дѣленія. Мы пойдемъ сверху, начнемъ съ образа жизни главы государства, его семьи и приближенныхъ.

Въ описываемое время придворные нравы Московскаго государства значительно смягчились, сравнительно съ временемъ Грознаго, но грубости было еще довольно: царь Алексѣй Михайловичъ одинъ изъ добрѣйшихъ русскихъ государей, въ минуту гнѣва расправлялся со своими приближенными точно такъ же, какъ впослѣдствіи его великій сынъ. Объ этомъ современники сохранили не мало забавныхъ анекдотовъ. Мейербергъ разсказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: однажды государь чувствовалъ себя дурно и принужденъ былъ обратиться къ иностранному врачу; тотъ пустилъ ему кровь,—государь почувствовалъ себя лучше и, не долго думая, потребовалъ, чтобы его приближенные послѣдовали этому примѣру... Бояре не имѣли мужества не исполнить требованіе царя; одинъ только Стрѣшневъ, надѣясь на свое родство съ нимъ, отказался пустить кровь. Тогда царь бросился на него съ

кулаками, крича: «ахъ ты, негодный рабъ, да развѣ твоя кровь дороже моей»... и надавалъ ему сильныхъ пинковъ. Въ другой разъ тесть царя, бояринъ Милославскій, сильно осуждалъ въ боярской думѣ дѣйствія царскихъ воеводъ, находившихся тогда на войнѣ съ поляками, и расхвастался, что если бы царь поставилъ его во главѣ войскъ, онъ привелъ бы самого короля плѣннымъ... Государь закричалъ на него и пинками выгналъ изъ засѣданія. Не церемоннѣе Алексѣя въ этомъ отношеніи былъ и сынъ его Федоръ, который разъ, по словамъ одного иностраннаго свидѣтеля, собственноручно поджегъ бороду одного изъ придворныхъ служителей... Но обыкновенно дальше пинковъ и тузовъ въ описываемое время дѣло не шло, да и эти слабыя повреждения залѣчивались всегда богатыми подарками.

Сильно ошибается тотъ, кто воображаетъ, что Московскій дворъ этого времени отличался вполнѣ патріархальными нравами: напротивъ, онъ имѣлъ очень сложный церемоніалъ и строгій этикетъ. Вотъ, напримѣръ, какой церемоніей былъ обставленъ пріемъ пословъ (иностранцамъ Московскіе цари старались показаться во всемъ своемъ блескѣ): пріѣхавъ въ Москву, послы обыкновенно оказывались въ своего рода карантинѣ; какъ мы видѣли въ первомъ очеркѣ, до аудіенціи у царя ихъ никуда не пускали и къ нимъ никого не допускали. Наконецъ, въ опредѣленный день за ними пріѣзжала карета, которая везла ихъ во дворецъ. При входѣ въ аудіенцъ-залу пословъ встрѣчали два боярина, которые объявляли имъ, что государю ихъ угодно принять. Послы вступали въ палату. Царь сидѣлъ на престолѣ во всемъ своемъ парадномъ облаченіи, со скипетромъ и державой въ рукахъ. У престола стояли рынды по два по каждую сторону съ топориками на плечахъ. Это были молодые московскіе служилые люди, которыхъ наряжали на этотъ случай въ бѣлые камчатныя одежды, въ высокія рысьи шапки и въ бѣлые сапоги; на грудь вѣшались золотыя цѣпи. По стѣнамъ съ обѣихъ сторонъ трона и противъ него на длинныхъ лавкахъ по-

мѣщались важнѣйшіе бояре, числомъ до пятидесяти, въ самыхъ богатыхъ одеждахъ. У трона ставились золотая лохань и рукомойникъ съ полотенцемъ для омовенія царскихъ рукъ послѣ допущенія къ нимъ пословъ. Когда послѣдніе входили, бояринъ, начальникъ Посольскаго приказа и Оберегатель Большой Государственной Печати (по нынѣшнему канцлеръ), объявлялъ имъ, что царь допускаетъ ихъ къ своей рукѣ. Этой чести удостаивались только послы христіанскихъ державъ: турецкіе, персидскіе и татарскіе къ царской рукѣ не допускались. По исполненіи этого обряда, бояринъ приглашалъ пословъ исполнить то, за чѣмъ они пришли: послы вручали царю свои ввѣрительныя грамоты и отступали нѣсколько назадъ. Бояринъ отъ имени Царя объявлялъ имъ, что государь принялъ ихъ грамоты, велитъ ихъ перевести и дастъ имъ отвѣтъ черезъ бояръ. Въ это время ставили скамьи для пословъ противъ царя и послѣдній допускалъ къ своей рукѣ всѣхъ остальныхъ членовъ посольства. По окончаніи этой церемоніи царь вставалъ на своемъ мѣстѣ и спрашивалъ о здоровьѣ государя, приславшаго пословъ. Послы благодарили и отвѣчали, что, когда они покинули свою родину, ихъ повелитель былъ здоровъ. Тогда царь садился и задавалъ, конечно черезъ переводчика, вопросы, касающіеся лично пословъ: здоровы ли они? всего ли имъ довольно? и т. д. Послы благодарили и отвѣчали, что по милости царской они ни въ чемъ не нуждаются. Тогда входили двое бояръ, которые встрѣчали пословъ у дверей палаты, и выводили ихъ изъ нея. Ихъ везли въ отведенное для нихъ помѣщеніе, куда являлся отъ имени царя бояринъ, который ихъ богато угощалъ. Самые переговоры обыкновенно велись за небольшимъ исключеніемъ, черезъ бояръ, но передъ отъѣздомъ пословъ царь снова принималъ ихъ. Онъ объявлялъ, что ихъ миссія кончена и въ послѣдній разъ допускалъ ихъ къ своей рукѣ. Послы почтительно благодарили за всѣ оказанныя имъ царскія милости и желали ему и его царскому дому всякаго благополучія.

Народу царь показывался не иначе, какъ, въ сопровожденіи стрѣльцовъ, которыхъ поэтому иностранцы обыкновенно называли его гвардіей, бояръ и ненавистныхъ чиновниковъ. Слѣдовательно, въ до-Петровской Руси царь былъ вовсе не такъ близокъ къ народу, какъ у насъ принято думать съ легкой руки нѣкоторыхъ писателей. Непосредственное общеніе его съ народомъ бывало только во время мятежей, которыми было особенно богато царствованіе Алексѣя Михайловича, но которые всегда заканчивались неблагопріятно для зачинщиковъ. Такъ, 4-го августа 1662-го года чернь устремилась къ царю, жившему въ это время въ Коломенскомъ, и потребовала отъ него казни его тестя Милославскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, истощившихъ терпѣніе народа своимъ лихоимствомъ. Какъ передаютъ современные свидѣтели, царь, вспыливъ по поводу какихъ то обидныхъ выраженій по адресу его супруги, дочери Милославскаго, обратился къ стрѣльцамъ и сказалъ: «ради Бога, избавьте меня отъ этихъ собакъ». Стрѣльцы бросились и перебили почти всѣхъ. Послѣдствіемъ этого печальнаго событія была, по словамъ находившагося въ это время въ Москвѣ иностранца, еще казнь болѣе чѣмъ пятисотъ человѣкъ...

Даже по отношенію къ самымъ близкимъ лицамъ царь держалъ себя на недосягаемой высотѣ. Онъ никогда не обѣдалъ въ семьѣ, но каждый изъ членовъ послѣдней кушалъ отдѣльно въ своихъ покояхъ. По словамъ Котошихина, никто не могъ входить къ царю «безъ указу». Если царь посылалъ узнать о здоровьѣ царицы, царевны или царевича, то посланный никогда не входилъ къ послѣднимъ, а сносился съ ними посредствомъ служившихъ имъ бояръ, и наоборотъ, посланные отъ того или другого члена царской семьи не входили сами къ царю. Какъ на образецъ отношенія царственныхъ лицъ съ ихъ не царственными родственниками, можно указать на то, что дочь упомянутаго Милославскаго, сдѣлавшись супругой царя, по словамъ современниковъ, никогда не называла

отца иначе, какъ просто Ильей, какъ бы боясь инымъ обращеніемъ съ нимъ уронить свое достоинство.

Только въ монастыряхъ царь являлся въ трогательной идиллической простотѣ, въ монастыряхъ, куда онъ всегда несъ свою радость и горе и куда при всѣхъ своихъ семейныхъ событіяхъ дѣлалъ богатые вклады. Правда не забывалась при этомъ и меньшая братія, но къ обителямъ первые Романовы питали, подобно своимъ предшественникамъ Рюриковичамъ, особую нѣжность; въ обители царь переставалъ быть царемъ. Такъ, по словамъ Павла Алеппскаго, во время богослуженія его отца въ Страстномъ монастырѣ, царь Алексѣй самъ поправлялъ свѣчи и исполнялъ всѣ обязанности церковнослужителя. Тотъ же Павелъ Алеппскій, которому пришлось быть при посѣщеніи царемъ одного иногородняго монастыря, разсказываетъ съ умиленіемъ, какъ царь въ монастырской больницѣ цѣловалъ больного, отъ котораго исходилъ такой ужасный смрадъ, что авторъ едва могъ дышать. Этотъ эпизодъ, кажется, окончательно убѣдилъ восточнаго гостя въ святости русскаго царя, къ чему онъ и раньше склонялся.

По случаю всякаго семейнаго или другого праздника у царя бывалъ торжественный столъ, на который приглашались и иностранные послы. Царь обыкновенно сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ, а гости помѣщались сообразно со знатностью ихъ родовъ. Кушанья разносились стольниками въ строго опредѣленномъ порядкѣ: сначала патріарху, если онъ присутствовалъ, а затѣмъ остальнымъ гостямъ, сообразно опять таки съ ихъ знатностью. Иногда царь въ видѣ особой милости посылалъ блюдо со своего стола тому или иному боярину, при чемъ стольникъ громогласно объявлялъ: «такой то, сынъ такого то, Государь жалуетъ тебя блюдомъ этимъ отъ своей милости». Удостоившійся царской милости вставалъ и низко кланялся издали царю, а полученное кушанье посылалъ домой, какъ знакъ особаго благоволенія государя. Такъ какъ за царскимъ столомъ строго соблюдалось мѣстничество, то въ изображае-

мое нами время родственники царицъ, которыя всѣ были не изъ первой знати, обыкновенно не присутствовали на торжественныхъ обѣдахъ у царя.

Сама царица никогда не показывалась народу, а если куда ѣхала, то не иначе, какъ въ закрытыхъ саняхъ или колымагѣ. «Въ церковь, пишетъ Кальвуччи, царица ходитъ изъ дворца сѣнями, закрытыми со всѣхъ сторонъ, чтобы случайно не осквернилъ ее грубый взоръ прохожихъ: въ торжественные дни или въ обыкновенные праздники идущая за ней знатная дѣвица держитъ надъ ея головой круглый зонтъ, посредствомъ придѣланной къ нему длинной рукоятки. Въ самые большіе праздники, когда она надѣваетъ вѣнецъ, четверо такихъ дѣвицъ носятъ надъ ней длинный балдахинъ, подъ которымъ шествуетъ вся царская фамилія, а именно: впереди—сестры царя, за ними царскія дѣти обоего пола, несомыя каждое своею оберъ-гофмейстершей (мамкой), а въ заключеніе сама царица. Въ случаѣ смерти царскаго ребенка его мамка бывала обречена монастырю. До шестнадцати лѣтъ царевичи точно также не показывались народу, а когда имъ приходилось итти въ церковь, то по обѣ стороны ихъ несли суконныя полы, закрывавшія ихъ отъ любопытныхъ глазъ. Въ самой церкви они стояли закрытые тафтой. Для воспитанія царевичей назначался бояринъ, пользовавшійся у царя хорошей репутаціей, а въ слуги имъ набирались однолѣтки изъ боярскихъ дѣтей. Когда приходило время учить ихъ грамотѣ, то для этого опредѣляли грамотеевъ изъ приказныхъ людей тихихъ, смирныхъ и не бражниковъ. Образованіе царевичей, впрочемъ, ограничивалось письмомъ и чтеніемъ апостола и другихъ священныхъ книгъ. На шестнадцатомъ году ихъ переставали прятать и тогда, по словамъ Котошихина, съѣзжалось великое множество народа смотрѣть на нихъ, какъ на диво.

Положеніе царевенъ было самое тяжелое: онѣ были осуждены на постоянное затворничество и безбрачіе, такъ какъ бракъ съ подданными считался для нихъ унизитель-

нымъ, а браку съ иностранными принцами мѣшала разница въ религіи. Говоря словами Котошихина, имъ оставалось только плакать и молиться. Что изъ такого порядка жизни вытекало, не замедлило обнаружиться, какъ только лучъ свѣта пробился въ ихъ душные терема, а это было въ малолѣтствѣ Петра Великаго, когда одна изъ нихъ, Софья, стала даже у кормила правленія. О правленіи Софьи до насъ дошли прелюбопытныя записки одного изъ замѣчательныхъ людей петровскаго времени, кн. Куракина. Вотъ что пишетъ онъ о ней и ея сестрахъ на своемъ своеобразномъ Петровскомъ жаргонѣ' представлявшемъ смѣшную смѣсь русскаго языка съ французскимъ: «Софья для своихъ плезировъ (удовольствій) завела пѣвчихъ изъ поляковъ, черкассовъ (то-есть малороссіянъ), а также и сестры ея по комнатамъ, какъ царевны Екатерина, Марфа и другія, между которыми пѣвчими избирали своихъ галантовъ и оныхъ обогащали». Достигнувъ власти, Софья ясно стала выказывать намѣреніе вытти замужъ за блестящаго князя Василія Васильевича Голицына и передать ему престолъ. «Что принадлежитъ до женитьбы съ княземъ Голицынымъ, пишетъ Куракинъ, то понимали все для того, что оный князь Голицынъ былъ ея весьма галантъ (любезенъ); и все то государство вѣдало и потому чаяло, что прямое супружество будетъ учинено». Это не мѣшало однако царевнѣ въ отсутствіе князя выказывать свою благосклонность и другимъ. «Въ отбытіи князя Василія Голицына съ полками въ Крымъ, Федоръ Шекловитой весьма въ амурѣ при царевнѣ Софьѣ профитовалъ (пользовался) болѣе, нежели князь Голицынъ, хотя не такъ явно. И предусматривали всѣ, что ежели бы правленіе Софьи еще продолжилося, конечно бы князю Голицыну было отъ нея паденіе, или бы содержанъ былъ для фигуры за перваго правителя, но въ самой силѣ и дѣлѣхъ бы былъ Шекловитой». Эта женщина не останавливалась ни передъ чѣмъ: «для удержанія власти за собой, по словамъ Куракина, царевна собрала въ Кремль полки стрѣлецкіе, съ которыми

хотѣла послать Щекловитаго въ Преображенское, чтобы оное шато (дворецъ) зажечь, а царя Петра Алексѣевича и мать его убить и весь дворъ побить и себя деклеровать (провозгласить) на царство». Такимъ образомъ въ лицѣ Софьи Алексѣевны личность московской царевны впервые вырвалась на историческое поприще съ необычайною энергіей, но и съ необычайной нравственной распущенностью и жестоко мстила за свою долгую неволю.

Очеркъ нравовъ Московскаго двора былъ бы не полонъ, если бы не упомянули о любимой царской потѣхѣ этого времени—соколиной охотѣ. По словамъ Коллинза, царь Алексѣй Михайловичъ содержалъ болѣе трехсотъ сокольниковъ и имѣлъ очень рѣдкихъ кречетовъ, которыхъ ему привозили изъ самыхъ отдаленныхъ частей государства. По этому поводу Кальвуччи сообщаетъ слѣдующій эпизодъ: по пріѣздѣ въ Москву, его товарищу очень хотѣлось видѣть царскихъ соколовъ, чтобы срисовать ихъ; онъ просилъ объ этомъ состоявшаго при послахъ пристава, но тотъ, хотя и обѣщалъ, но постоянно откладывалъ исполненіе обѣщанія, такъ что иностранецъ уже забылъ о своемъ желаніи. Только разъ сидѣли они за столомъ, какъ вдругъ вошелъ съ важнымъ видомъ приставъ и пригласилъ ихъ войти во внутренній покой и выслушать, что онъ скажетъ Впрочемъ, пусть разсказываетъ самъ очевидецъ: «Когда мы вошли туда, пишетъ Кальвуччи, тамъ главный начальникъ охоты Великаго князя и шесть сокольниковъ, одѣтыхъ въ дорогіе кафтаны, держали каждый по кречету на правой рукѣ, одѣтой въ богатую рукавицу съ новой золотой бахромой. Кречеты были въ новыхъ колпачкахъ изъ великолѣпной ткани и съ длинными золотыми веревочками на лѣвыхъ ногахъ, а у самаго лучшаго изъ нихъ, бѣлаго цвѣта съ крапинками, какъ у аиста, правое бедро облегало золотое кольцо съ рубиноиъ значительной величины. Приставъ, снявъ шапку и вынувъ изъ-за пазухи свернутую въ свитокъ бумагу, объяснилъ по ней слѣдующій поводъ своего посольства, между тѣмъ, какъ мы слу-

ли стоя: «Великій князь и Царь Алексѣй Михайловичъ
по обыкновенію онъ пересказалъ весь его титулъ), узнавъ
нашемъ желаніи видѣть какую-нибудь изъ его птицъ,
рислалъ вамъ посмотрѣть шесть кречетовъ въ знакъ
собой любви къ своему любезнѣйшему брату, Цезарю
имскому, Леопольду...» Иностранцы были удивлены такой
енужной торжественностью, но поспѣшили учтиво расхва-
ивать царскихъ птицъ.

II.

Котошихинъ говоритъ, что никто въ Московскомъ
сударствѣ не строитъ себѣ роскошныхъ хоромъ,—слу-
илый человѣкъ боясь, чтобъ на него не донесли, что
нъ нажился лихоимствомъ, а тяглый, чтобы на него не
аложили больше податей. Но въ данномъ случаѣ, кажет-
я, авторъ искажаетъ правду, желая особенно оттѣнить «небо-
бояз ливый» (его собственное выраженіе) характеръ москов-
кихъ людей, ихъ постоянную зависть другъ къ другу.
ностранцы говорятъ, что при Алексѣѣ Михайловичѣ въ
оскве было значительное число роскошныхъ каменныхъ
алатъ, особенно благодаря войнамъ съ Польшей, во вре-
я которыхъ царь и его приближенные познакомились съ
ападно-европейскимъ стилемъ построекъ, полюбили его и
тали подражать въ этомъ отношеніи «невѣрнымъ ляхамъ».

Семейная жизнь знатнаго московскаго человѣка мало
тличалась отъ царской, съ которой мы ужъ нѣсколько
ознакомились... И тутъ и тамъ въ дѣлѣ браковъ менѣе
сего играла роль любовь. Обыкновенно родители знатнаго
олодого человѣка, провѣдавъ, что гдѣ-либо имѣется под-
одящая невѣста, посылали спросить ея родителей, согла-
ятся ли они выдать за него свою дочь. Если со стороны
ослѣднихъ не было никакихъ препятствій, то они состав-
ляли роспись всего того, что даютъ за своею дочерью, и
осылали эту роспись жениху, не говоря ни слова о томъ
евѣстѣ. Если жениху нравилось приданое, то назнача-
ись смотрины; однако онъ самъ не могъ видѣть невѣсты,

а посылалась отъ него какая-нибудь близкая родственница, которая говорила съ невѣстой за столомъ и потомъ передавала жениху свое впечатлѣніе. Если она находила невѣсту умной и пригожей, то женихъ оставался при своемъ намѣреніи; если же нѣтъ, то посылалъ отказъ. Въ первомъ случаѣ назначался день сговора, въ который женихъ ѣхалъ къ родителямъ невѣсты, и обѣ стороны давали другъ другу письменное обѣщаніе, одна—жениться, а другая—выдать дочь въ извѣстный срокъ, при чемъ, въ случаѣ неисполненія этого, обязывались заплатить извѣстную сумму денегъ. Если какая-нибудь сторона не исполняла своего обязательства, то обиженная жаловалась патріарху, который, разобравъ дѣло и не найдя уважительнаго повода къ отказу, обязывалъ виновную сторону заплатить другой неустойку, на которой уговорились; послѣ этого и женихъ и невѣста были вправѣ вступить въ бракъ съ кѣмъ угодно другимъ. Самая свадьба знатнаго человѣка была обставлена такими церемоніями: послѣ надлежащихъ приготовленій, женихъ «ѣхалъ по невѣсту»—за невѣстой въ такомъ порядкѣ: впереди обыкновенно каравайники несли хлѣбъ на носилкахъ, потомъ ѣхалъ попъ съ крестомъ, за нимъ провожатые и наконецъ женихъ съ тысяцкимъ, лѣтомъ верхомъ, а зимою на саняхъ. По пріѣздѣ въ домъ родителей невѣсты, послѣдніе приглашали всѣхъ къ столу, при чемъ новобрачные помѣщались на одной подушкѣ и ихъ покрывали однимъ кускомъ тафты. Сваха расчесывала невѣстѣ косу, во время чего, по словамъ Олеарія и Коллинза, пѣли пѣсни до того неприличныя, что отъ нихъ покраснѣлъ бы самый безстыдный европеецъ. Передъ женихомъ и невѣстой ставили блюдо съ хлѣбомъ и сыромъ (творогомъ), которые разносились всѣмъ присутствующимъ, при чемъ свадебному чину присоединялись нѣкоторые подарки отъ новобрачной. По совершеніи трапезы родители невѣсты благословляли ее и вручали жениху. До этого момента на ней былъ надѣтъ такъ называемый дѣвичій вѣнецъ, который теперь снимался и отдавался на храненіе.

Тогда свадебный чинъ отправлялся въ церковь, гдѣ совершалось таинство. По окончаніи послѣдняго, всѣ ѣхали въ домъ жениха, гдѣ ихъ встрѣчали родители его съ гостями. Здѣсь ужъ происходилъ самый пиръ. Когда на немъ подавали обыкновенную принадлежность древне-русскаго свадебнаго пира — лебедь, новобрачные вставали и шли въ опочивальню въ сопровожденіи дружки и свахи, которые должны были ихъ тамъ раздѣвать, а пиръ продолжался. (На болѣе простыхъ свадьбахъ лебедя замѣняла курица). Когда знатные новобрачные находились въ опочивальнѣ, обыкновенно конюшій разъѣзжалъ подъ окнами ея съ охранительнымъ мечемъ. По истеченіи часа отецъ и мать посылали спросить о здоровьѣ новобрачныхъ и, когда получался утвердительный отвѣтъ, всѣ разъѣзжались по домамъ. На другой день по русскому обычаю новобрачные шли порознь въ баню, послѣ чего имъ дѣлались подарки, называемые мыльными. Знатный сынъ боярина въ этотъ день обыкновенно ѣхалъ къ царю, который поздравлялъ его, спрашивалъ о здоровьѣ супруги и давалъ ему и ей разные подарки. «А ежели, прибавляетъ Котошихинъ, за того человѣка невѣста придетъ дѣвства своего не сохранивъ, и тотъ женихъ в дая свою жену къ царю челомъ ударить не ѣздитъ, потому что ужъ царю до его пріѣзда объявятъ, и онъ его къ себѣ на очи пустить не велитъ». Свадьбы въ то время были единственнымъ случаемъ, при которомъ женщины пировали вмѣстѣ съ мужчинами, а поэтому на нихъ прекрасный полъ, пользуясь тѣмъ временемъ, когда отцы и мужья находились подъ вліяніемъ спиртныхъ паровъ, давалъ, по словамъ иностранцевъ, полный разгулъ своимъ страстямъ... Коллинзъ разсказываетъ еще о слѣдующемъ свадебномъ обычаѣ того времени: женихъ клалъ въ одинъ сапогъ нагайку, а въ другой драгоцѣнный камень и приказывалъ молодой снять одинъ сапогъ. Если она снимала тотъ, въ которомъ былъ драгоцѣнный камень, то это предсказывало счастливую супружескую жизнь, и мужъ дарилъ ей этотъ камень; если же

она вынимала нагайку, то это сулило ей часто быть битой мужемъ; послѣднее, впрочемъ, какъ мы увидимъ ниже, было обыкновеннымъ явленіемъ въ тѣ времена.

Царская свадьба отличалась отъ свадьбы всякаго знатнаго боярина почти только большей торжественностью. На другой день послѣ вѣнчанія царь обыкновенно отправлялся къ патріарху, который поздравлялъ его. Въ этотъ день въ обыкновенное обѣденное время у царя бывалъ пиръ, на которомъ посаженные отецъ и мать благословляли новобрачныхъ. На третій день для всѣхъ участниковъ торжества бывалъ пиръ отъ царицы, который поэтому назывался княгининымъ. На немъ новобрачныхъ благословляли отецъ и мать невѣсты. На четвертый день царь давалъ пиръ патріарху и всему духовному чину, которые приносили ему въ даръ образа. Въ другіе дни угощались всѣ чины Московскіе и выборные городовые люди. По случаю царской свадьбы разсылались богатыя милостыни по городамъ и монастырямъ и выпускались изъ темницъ преступники, кромѣ самыхъ важныхъ.

Такъ какъ новобрачный обыкновенно видѣлъ свою суженую только послѣ брака, потому что до свадьбы ее ему не показывали, то въ Москвѣ безпрестанно случались обманы: иногда, приходившей отъ жениха родственницѣ, по словамъ которой онъ только и могъ судить о своей будущей подругѣ жизни, родители послѣдней показывали постороннюю дѣвушку за свою дочь, иногда вмѣсто одной пригожей дочери выдавали другую съ какимъ-нибудь физическимъ недостаткомъ. Въ такихъ случаяхъ начиналась злѣйшая вражда между обманутымъ и обманувшими. Мужъ старался вымѣстить обманъ на женѣ и истязалъ ее, а родители ея жаловались на это царю и патріарху... Забавный анекдотъ о подобномъ обманѣ передаютъ иностранцы: одинъ молодой человѣкъ знатнаго происхожденія ни за что не хотѣлъ жениться на дѣвушкѣ, пока ему не покажутъ ее, хотя это шло совсѣмъ въ разрѣзъ съ обычаемъ. Тогда отецъ невѣсты предложилъ ему такую сдѣлку, подъ

предлогомъ избѣжанія злорѣчія: женихъ спрячется въ одномъ закоулкѣ недалеко отъ дома невѣсты, а дѣвушка пройдетъ мимо. Сказано—сдѣлано... Женихъ въ условленный часъ былъ на своемъ мѣстѣ, а невѣста прошла мимо. Нужно прибавить, что у нея одинъ глазъ былъ кривой, но такъ какъ она шла очень быстро и здоровымъ глазомъ къ жениху, то онъ не могъ замѣтить ея недостатка; въ другихъ отношеніяхъ дѣвушка была очень красива. Женихъ пришелъ въ восторгъ и съ нетерпѣніемъ ждалъ свадьбы. Только послѣ нея обнаружился обманъ, но было уже позно... Впрочемъ, трудно сказать насколько этотъ анекдотъ достовѣренъ.

Жены знатныхъ людей вели такой же образъ жизни, какъ царицы. Подобно имъ онѣ не ѣздили иначе, какъ въ крытыхъ саняхъ или колымагахъ. Если бывали гости, то мужчинъ принималъ въ своихъ покояхъ мужъ, а боярынь—жена въ своихъ. Къ мужчинамъ знатныя боярыни выходили только для, такъ называемаго, поцѣлуеваго обряда, который состоялъ въ слѣдующемъ. Хозяйка дома выходила къ гостямъ и кланялась имъ въ поясъ, а они отвѣчали ей земными поклонами. Послѣ этого хозяинъ приглашалъ всѣхъ присутствующихъ поцѣловать ее; каждый подходилъ и цѣловался съ ней въ губы, послѣ чего она выходила и выносила каждому изъ присутствующихъ по кубку вина. Забавно читать у иностранцевъ, въ какое смущеніе приводилъ ихъ этотъ обрядъ. Олеарій разсказываетъ, что однажды, будучи принужденъ исполнить этотъ обрядъ у одного обрусѣлаго иностранца, онъ поцѣловалъ было только руку у хозяйки, но хозяинъ настоялъ на томъ, чтобы онъ поцѣловался съ ней въ губы. Особенно смущалъ этотъ обрядъ Павла Алеппскаго, какъ духовнаго.

Обращеніе мужа съ женой, по отзывамъ иностранцевъ, было крайне грубое. «Русскіе, пишетъ Коллинзъ, обходятся съ женами грубо и держатъ ихъ въ строгомъ повиновеніи... Года три или четыре тому назадъ одинъ знатный московскій гость билъ жену свою до тѣхъ поръ

пока могъ, плетью пальца въ два толщины; наконецъ, заставилъ ее надѣть платье напитанное водкой, три или четыре раза перегнанной, и зажегъ его, такъ что несчастная погибла въ пламени... Всего удивительнѣе, что смерть ея осталась не отмщенной никѣмъ, потому что въ Россіи нѣтъ уголовнаго закона, который преслѣдовалъ бы за убійство жены или раба, если убійство совершено за проступокъ... Нѣкоторые мужья привязываютъ женъ за волосы и сѣкутъ совершенно нагихъ... Воизбѣжаніе подобныхъ явленій, родители, выдавая своихъ дочерей замужъ, стали заключать условія: они требуютъ отъ зятя, чтобъ онъ снабжалъ жену приличными платьями, кормилъ ее здоровой пищей, не билъ, обращался ласково, и предлагаютъ много другихъ условій... Когда договоръ нарушенъ они обращаются въ судъ, а судъ рѣшаетъ дѣло.

Дѣвицы совершенно не выходили къ мужчинамъ и вели въ своихъ теремахъ вполнѣ затворническій образъ жизни. Неволя никогда не можетъ развивать нравственнаго чувства, а поэтому русскій теремъ всегда былъ притономъ нравственной распущенности, хотя вслѣдствіе его потаенности онъ долго представлялся образцомъ монастырскаго житія. Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства этого; у иностранцевъ мы находимъ извѣстія о томъ, что къ затворницамъ находили доступъ красивые плѣнники, которыхъ приводили съ театра войны отцы и братья и обращали въ рабство. Это подтверждается и туземными свидѣтелями. Котошихинъ пишетъ, что если новобрачный бояринъ замѣчалъ, что его супруга не сохранила своей чистоты до брака, то не рѣшался явиться къ царю, такъ какъ послѣдній, узнавъ объ этомъ стороной, не пустилъ бы его себѣ на глаза; слѣдовательно, были такіе примѣры. Знаменитый келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ въ своемъ превосходномъ описаніи осады этого монастыря поляками пишетъ, что въ смутное время очень многія изъ русскихъ женщинъ, которыя были взяты въ плѣнъ непріятелемъ и потомъ отбиты русскими войсками,

бѣжали обратно, явно предпочитая враговъ своей родины отцамъ и братьямъ... Да и что тутъ удивительнаго?.. Какъ было не предпочесть общество любезныхъ и элегантныхъ польскихъ воиновъ душному московскому терему?.. Было бы смѣшно говорить о патріотическихъ чувствахъ затворницъ, не знавшихъ ничего, кромѣ четырехъ стѣнъ...

Сильно ошибается и тотъ, кто представляетъ себѣ мужей до-Петровскаго времени образцомъ христіанской добродѣтели. По словамъ современниковъ, никто не считалъ для себя нравственной обязанностью любовь къ одной женщинѣ, и гаремъ былъ обыкновеннымъ явленіемъ... Иностранцы искусно пользовались этой слабостью нашихъ предковъ, и многихъ изъ этихъ представителей европейской цивилизаціи мы видимъ при знатныхъ московскихъ боярахъ въ позорной должности сводней... Такъ, по словамъ Коллинза, одному врачу, еврею лютеранскаго вѣроисповѣдыванія, удалось много сдѣлать для своихъ соплеменниковъ черезъ одного близкаго къ государю боярина, которому онъ доставлялъ красивыхъ полекъ; когда же супруга боярина начала вполнѣ основательно ревновать его къ нимъ, то мужъ не задумался устранить ее при помощи яда, даннаго тѣмъ же врачемъ. Это навлекло, правда, на преступника немилость царя, но она, повидимому, не имѣла для него никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Кальвуччи передаетъ слѣдующій любопытный разговоръ съ состоявшимъ при немъ приставомъ: послѣдній расхваливалъ ему строгость православной церкви и, какъ на образецъ ея, указывалъ на строгія наказанія, налагаемыя ею за нарушеніе супружеской невѣрности. Зная московскую повадку подбираться къ чужимъ женамъ, иностранецъ замѣтилъ, что москвитянамъ, вѣроятно, каждый день приходится отбывать эпитимію. «Вотъ дураковъ нашли, возразилъ приставъ, развѣ мы когда-либо говоримъ объ этомъ попу?» Поразительная смѣсь внѣшняго благочестія и нравственной распущенности, которыя, впрочемъ, обыкновенно идутъ рука объ руку... По словамъ иностранцевъ,

связь женатаго человѣка съ незамужней женщиной не считалась прелюбодѣяніемъ...

Ежедневный столъ знатнаго боярина не отличался изысканностью. Обыкновенно онъ начинался водкой; затѣмъ подавалась холодная вареная говядина, приправленная сырымъ лукомъ и уксусомъ, потомъ слѣдовало нѣсколько другихъ блюдъ мясныхъ или рыбныхъ, но всегда съ сильной приправой лукомъ. Званые обѣды были изысканнѣе и на нихъ число блюдъ доходило до ста. Однако, мужское общество, не смягченное присутствіемъ женщинъ, не отличалось и въ торжественныхъ случаяхъ большой изысканностью манеръ. За отсутствіемъ носовыхъ платковъ, наши предки не стѣснялись сморкаться въ руку и отирать ее о скатерть, и, по словомъ Олеарія, «во всеуслышаніе и не щадя ничьего обонянія, пускать на волю то, что природа требуетъ испускать послѣ пищи верхомъ и низомъ». Такъ какъ всѣ кушанья приправлялись лукомъ, то, по словамъ того же автора, самое присутствіе ихъ было невыносимо. Поэтому, въ наказахъ того времени московскимъ посламъ давались строжайшія предписанія относительно того, какъ они должны себя вести, если въ чужихъ краяхъ будутъ приглашать ихъ на обѣдъ. Практика показала необходимость этого: въ Швеціи, какъ мы увидимъ ниже, одинъ московскій посолъ ухитрился допиться до смерти за королевскимъ столомъ, а датскій король далъ такой отзывъ о русскихъ послахъ: «Если опять придутъ ко мнѣ москвитяне, то я устрою для нихъ хлѣвъ»...

Послѣ обѣда, который всегда былъ въ полдень, наши предки имѣли обыкновеніе почивать и въ это время ни одинъ бояринъ не принялъ бы пришедшаго къ нему по дѣламъ. Впрочемъ, это было обыкновеніе не однихъ бояръ, а всѣхъ сословій, такъ что въ полдень въ Москвѣ бывали даже закрыты всѣ лавки.

Дома богатыхъ московскихъ вельможъ всегда изобиловали вольнонаемной прислугой и холопами; число послѣднихъ, благодаря постояннымъ войнамъ, увеличивалось

безъ конца плѣнными. Ихъ было такое множество, что, по словамъ Павла Алеппскаго, послѣ войны съ Польшей польскіе плѣнники продавались въ Москвѣ по полтиннику, не говоря ужъ о крымскихъ татарахъ, которыхъ постоянно приводили на продажу русскіе отряды, всегда находящіеся на сторожѣ противъ нихъ въ степяхъ. Эти невольники получали отъ своихъ господъ крайне скудное содержаніе потому были принуждены сами изыскивать себѣ пропитаніе. Вслѣдствіе этого, по словамъ современниковъ, въ Москвѣ постоянно происходили самые страшные убійства и грабежи. Наглость грабителей простиралась до того, что во время пребыванія въ Москвѣ Олеарія, тамъ среди бѣлаго дня сдѣлано было нападеніе съ цѣлью грабежа на царскаго врача: онъ былъ бы убитъ, если бы это не случилось у воротъ одного боярина, его паціента, который, нуждаясь во врачѣ, счелъ нужнымъ отбить его у разбойниковъ. Это былъ исключительный случай, такъ какъ обыкновенно обыватели Москвы не считали нужнымъ выходить ночью на крики о помощи. Такъ, въ то же время былъ убитъ въ Москвѣ на одной изъ многолюдныхъ улицъ гофмейстеръ шведскаго посланника, возвращавшійся отъ своего хорошаго пріятеля подъ вечеръ; онъ громко звалъ на помощь, но никто не вышелъ изъ дому. Его окровавленная одежда продавалась на другой день на рынкѣ. Иностранцы приводятъ огромный перечнь и другихъ злодѣйствъ, совершенныхъ въ то время въ Москвѣ, и на основаніи ихъ показаній можно смѣло сказать, что въ ней не было ни одного иностраннаго посольства, которое вслѣдствіе этого не лишилось бы нѣсколькихъ своихъ членовъ. На улицѣ Бѣлокаменной было не въ диковинку наткнуться на трупъ зарѣзаннаго и обобраннаго обывателя, который обыкновенно отправляли для установленія личности убитаго въ земскій приказъ, вѣдавшій московскихъ жителей въ полицейскомъ отношеніи. Поэтому, если у кого-нибудь пропадалъ родственникъ, то онъ шелъ въ этотъ приказъ посмотрѣть, не дожидается ли тамъ погребенія пропавшій...

Если жизнь знати не отличалась изяществомъ, то понятно, жизнь простого народа была еще менѣе привлекательна. Жилищами служили по большей части лачуги, сколоченныя на скорую руку изъ распиленныхъ пополамъ бревенъ, при чемъ плоскія стороны ихъ обращались во внутрь; вмѣсто извести служилъ мохъ съ землей, а крыша покрывалась также мохомъ. Иностранцы съ удивленіемъ разсказываютъ, что въ Московіи ходятъ на рынокъ покупать дома. Архитектура была столь незамысловата, что продавецъ матеріала для постройки доставлялъ его туда, куда приказывалъ покупатель, и вмѣстѣ съ нимъ устраивалъ незатѣйливое жилище послѣдняго. Можно себѣ представить, какъ опасны были при такихъ условіяхъ пожары; и, дѣйствительно, какъ мы узнаемъ отъ иностранцевъ, Москвѣ часто приходилось страдать отъ нихъ.

Столь же невзыскательна была и пища простого народа; она, впрочемъ, мало отличалась отъ теперешней: это были каша, рѣпа, капуста, свѣжіе и соленые огурцы и слегка посоленная рыба, которая поэтому быстро портилась; по словамъ иностранцевъ, въ Москвѣ о близости рыбнаго рынка можно было заключить по страшному запаху, невыносимому для непривычнаго обонянія. Можно судить какой это былъ разсадникъ эпидеміи...

Хотя въ этомъ слоѣ общества менѣе, чѣмъ гдѣ-либо можно было ожидать рыцарскаго отношенія къ женщинѣ, тѣмъ не менѣе она пользовалась въ немъ полной свободой; впрочемъ, это не избавляло ее, конечно, отъ побоевъ со стороны мужа. По свидѣтельству иностранцевъ, нигдѣ простая женщина не отличалась такой беззастѣнчивостью, какъ въ Московіи. Хотя въ Московскихъ баняхъ мужчины и женщины и мылись отдѣльно, но они входили въ одну дверь, и замужнія женщины не стѣснялись разговаривать со своими мужьями, стоя при входѣ совершенно раздѣтыми. Обыкновенно бани устраивались на берегу рѣки, и посѣтители ихъ, мужчины и женщины, имѣли обыкновеніе выбѣгать изъ нихъ совершенно раздѣтыми и безъ разли-

чія половъ купаться вмѣстѣ въ рѣкѣ... По словамъ тѣхъ же очевидцевъ, женщины самыми неприличными тѣлодвиженіями заманивали ихъ на свою половину, и появленіе среди нихъ мужчины не вызывало ни въ комъ удивленія. О распущенности и доступности русскихъ женщинъ этого класса иностранцы сообщаютъ много такого, чего мы не рѣшаемся повторить, боясь оскорбить нравственное чувство читателя.

Пьянство было страшно развито среди народа безъ различія половъ и возрастовъ, и достигло такихъ размѣровъ, что теперешній нашъ простой народъ показался бы чрезвычайно трезвымъ сравнительно съ его предками XVII столѣтія. Всѣ памятники того времени доказываютъ это. За пьянство одинаково порицаютъ нашихъ предковъ и расположенный къ нимъ Ю. Крыжанычъ и ненавистный ему Олеарій, впрочемъ, всегда очень добросовѣстный. «Порокъ пьянства, пишетъ послѣдній иностранецъ, распространенъ въ русскомъ народѣ одинаково во всѣхъ слояхъ общества, между духовными и свѣтскими, высшими и низшими сословіями, между мужчинами и женщинами, старыми и малыми, до такой степени, что если видишь по улицамъ тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи, то не обращаешь на нихъ и вниманія, какъ на явленіе самое обычное. Наткнется извощикъ на такого пьянаго ему знакомаго, то взвалитъ его на телегу и отвезетъ домой, гдѣ получаетъ плату за благополучную доставку. Русскіе никогда не пропускаютъ удобнаго случая выпить, или опохмѣлиться чѣмъ бы то ни было, по большей частью простой водкой. Они считаютъ за великую честь, если кто въ гостяхъ или собраніяхъ имъ поднесетъ чарку и болѣе водки, а простой народъ, холопы и крестьяне, такъ цѣнятъ такую честь, что если какой-нибудь знатный боринъ поднесетъ имъ изъ собственныхъ рукъ 3 или 4 и т. д. чарокъ, то они все будутъ пить, пока не свалятся на мѣстѣ, при чемъ иногда отдаютъ тутъ и душу Богу, какъ это случилось однажды въ нашу бытность въ Россіи,

когда служащіе при посольствѣ нашемъ угощали и неотступно просили русскихъ выпить еще. И не только простой народъ, но и знатные бояре, даже царскіе великіе послы, обязанные строго блюсти и поддерживать въ чужихъ странахъ высокое достоинство своего государя, тоже не знаютъ никакой мѣры въ употребленіи предлагаемыхъ имъ крѣпкихъ напитковъ, и, если только напитки эти прійдутся по вкусу, то они льютъ ихъ въ себя, какъ воду, такъ что совершенно теряютъ человѣческій смыслъ, а иногда и до смерти опиваются. Такой случай былъ съ однимъ великимъ русскимъ посланникомъ, отправленнымъ въ 1608-мъ году къ шведскому королю, Карлу IX. Несмотря на предостереженіе о томъ, что предлагаемая ему водка была весьма крѣпкая, посолъ этотъ напился до того, что въ тотъ день, когда ему слѣдовало представиться, его нашли мертвымъ въ его постели. Въ бытность нашу въ Москвѣ, тамъ вездѣ находились открытые питейные дома или кабаки, въ которые всякій желающій имѣлъ входъ и пилъ за свои деньги водку; при такомъ удобствѣ простой народъ все, что зарабатывалъ, пропивалъ въ кабакѣ и такъ крѣпко засиживался тамъ, что, пропивши заработокъ, снималъ съ себя платье, даже рубашку, и оставлялъ ее продавцу за водку, а затѣмъ нагой, какъ родился, возвращался домой. Въ 1643 году, когда я былъ въ Новгородѣ, и помѣщался въ гостинницѣ, что на Любецкомъ дворѣ, недалеко отъ моего пребыванія находился кабакъ, и тутъ то случалось мнѣ часто видѣть, какъ напившіеся и пропившіеся молодцы выходили изъ кабака, кто безъ шапки, кто безъ сапогъ и чулокъ, а кто и въ одной рубашкѣ. Между прочимъ я замѣтилъ одного, который, пропивъ кафтанъ, вышелъ изъ кабака въ рубашкѣ, но, встрѣтивъ на дорогѣ хорошаго пріятеля, также направляющагося къ кабаку, опять вернулся съ нимъ въ кабакъ. Черезъ нѣсколько часовъ молодецъ мой вышелъ снова изъ кабака, но ужъ безъ рубашки, въ однихъ портахъ; когда я спросилъ его, куда онъ дѣлъ рубашку, кто

отобралъ ее у него, онъ отвѣчалъ съ прибавкою обычной м . . . . . ой брани, что это сдѣлалъ цѣловальникъ. Затѣмъ, замѣтивши, что гдѣ остались кафтанъ и рубашка, тамъ могутъ остаться и порты, онъ вернулся опять въ кабакъ, и черезъ нѣсколько времени вышелъ оттуда уже совершенно нагъ; сорвавши полную руку травы одуванчикъ, росшей около кабака, онъ прикрылъ ею свое срамное тѣло и отправился себѣ домой веселый и припѣваючи...» По словамъ иностранцевъ, такіе забулдыги были не рѣдкостью въ Москвѣ и встрѣтить въ ней совершенно голаго молодца не диво. Неудивительно поэтому, если зимой, послѣ каждаго праздника, земскій приказъ наполнялся огромнымъ числомъ совершенно обнаженныхъ и обледенѣлыхъ труповъ обывателей, сдѣлавшихся жертвой своей безумной страсти къ вину...

Табакъ, занесенный къ намъ иностранцами, пользовался также большой популярностью среди нашихъ предковъ, но въ 1744-мъ году патріархъ, узнавъ, что курятъ даже въ церкви, запретилъ употребленіе его. Однако произошло то же самое, что бываетъ теперь въ нашихъ гимназіяхъ: запрещеніе только усилило куреніе и тайную продажу табаку. Курильщиковъ ловили, продѣвали имъ въ ноздри кольца, сѣкли публично розгами, но ничто не помогало; этотъ продуктъ пріобрѣталъ у насъ все большее и большее распространеніе...

Неудивительно, если при такой безпорядочной жизни смертность была очень высока въ Московскомъ государствѣ, и мы на каждомъ шагу находимъ извѣстія о свирѣпствовавшихъ въ немъ заразныхъ болѣзняхъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ Москва была посѣщена ужасной моровой язвой. Вотъ какъ описываетъ послѣднюю очевидецъ Павелъ Алеппскій, находившійся въ это время въ Москвѣ. «Старики, пишетъ онъ, разсказывали намъ, что сто лѣтъ тому назадъ у нихъ также была моровая язва, но тогда она не была таковой, какъ теперешняя... Бывало, когда послѣдняя проникнетъ въ какой-нибудь домъ,

то очищала его совершенно, такъ что никого въ немъ не оставалось... Собаки и свиньи бродили по домамъ, такъ какъ некому было ихъ выгонять... Умеръ и царскій переводчикъ, который пріѣхалъ съ нами изъ Калуги. Тогда нашъ владыка патріархъ ходатайствовалъ передъ намѣстникомъ царя, и тотъ, спустя долгое время, прислалъ другого... По прибытіи своемъ, послѣдній разсказалъ намъ, что царскій намѣстникъ и бояре точно исчислили умершихъ въ столицѣ съ начала язвы до конца ея: оказалось 480 тысячъ, такъ что большинство дворовъ и улицъ опустѣло и столица, прежде биткомъ набитая народомъ, сдѣлалась безлюдной.. Собаки и свиньи пожирали мервыхъ и бѣсились, а потому никто не осмѣливался ходить въ одиночку, ибо отъ голода и бѣшенства они загрызали прохожихъ до смерти. Умеръ царскій намѣстникъ; умерли одинъ за другимъ три митрополита, которыхъ патріархъ присылалъ на мѣсто себя... Священниковъ умерло безсчетное число, и церкви запустѣли... Оставшіеся въ живыхъ священники пріобрѣли огромныя богатства, ибо не успѣвая хоронить по одиночкѣ, они отпѣвали заразъ многихъ и брали съ нихъ, сколько хотѣли. Обѣдня священника доходила до трехъ рублей и больше, и за эту цѣну не всегда можно было имѣть ее. Подъ конецъ уже не успѣвали хоронить покойниковъ: стали копать ямы, куда и бросали ихъ, и городъ наполнился смрадомъ отъ труповъ. Царь, по словамъ нашего переводчика, прислалъ сначала 600 стрѣльцовъ, и всѣ они перемерли; вторично прислалъ другихъ, и эти также всѣ перемерли; въ третій разъ прислалъ и съ этими случилось то же, ибо всякій, кто входилъ въ столицу, тотчасъ падалъ мертвымъ, Такое положеніе продолжалось съ іюля мѣсяца почти до Рождества, все усиливаясь, и затѣмъ, слава Богу, прекратилось...» Такія бѣдствія приходилось переживать народу и безъ того изнуренному мятежами и внѣшними войнами...

III.

По общепринятому мнѣнію, старинная Русь представляется, по преимуществу, страной благочестія; и дѣйствительно, нигдѣ такъ строго не исполнялись церковные обряды и посты. Такъ, при посѣщеніи монастырей царь и царица довольствовались тамошними кушаньями и отнюдь не ѣли въ присутствіи чернаго духовенства мяса; послѣднее совсѣмъ не подавалось, если за царской трапезой присутствовалъ патріархъ или кто-нибудь другой изъ высшихъ духовныхъ лицъ. По словамъ Павла Алеппскаго, жившая въ то время въ Москвѣ грузинская царица Елена разсказывала, что, когда она съ супругой царя Алексѣя Михайловича, убѣгая отъ моровой язвы, жила въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ онѣ пробыли четыре мѣсяца, то московская царица вовсе не варила себѣ мяса. «Я прибавляла Елена, укоряла ее, говоря: «не боишься ты Бога: мы взрослыя, но чѣмъ виноватъ царевичъ Алексѣй? Онъ грудной ребенокъ и ослабнетъ отъ поста». Но московская царица нисколько не убѣдилась ея доводами. Великимъ постомъ съ ранняго утра чистаго понедѣльника до среды, въ теченіе трехъ дней, въ Москвѣ не было ни купли, ни продажи; всѣ лавки были закрыты, особенно тѣ, въ которыхъ продавались съѣстные припасы, не говоря ужъ о томъ, что мяса невозможно было достать въ продолженіе цѣлаго поста; за нарушеніе послѣдняго полагалось наказаніе кнутомъ. Но вся эта набожность имѣла чисто внѣшній характеръ, какъ указываютъ такія явленія: въ церкви каждый изъ прихожанъ имѣлъ свои образа и былъ крайне недоволенъ, если кто-нибудь другой молился его иконамъ, такъ какъ это считалось «перехватомъ» молитвы чужого святого, какъ будто дѣло шло о перекупкѣ какого-нибудь товара. Если святые оставались глухи къ молитвамъ, то наши предки подвергали ихъ даже наказаніямъ. Подобный случай сообщаетъ Коллинзъ: одна женщина, прося Николая Чудотвовца сдѣлать ее богатой, всячески убирала его

образъ въ церкви, но когда молитва ея не была услышана, то она не задумалась обобрать своего «святого Николу». Видѣвшій это священникъ донесъ на нее и ей отрубили руку.

Такая набожность, какъ и нужно было ожидать, легко уживалась съ самой ужасной нравственной распущенностью: въ то время считалось законнымъ поводомъ къ разводу желаніе какой-нибудь стороны итти въ монастырь, а, такъ какъ монахини пользовались неограниченной свободой, то многія жены, наскучивъ деспотизмомъ мужей, уходили въ монастырь, вовсе не имѣя намѣренія посвятить себя на служеніе Богу. Поэтому не удивительно, если въ описываемое время монастыри сдѣлались мѣстомъ всевозможныхъ скандальныхъ исторій, и иностранцы сообщаютъ о самыхъ соблазнительныхъ отношеніяхъ нѣкоторыхъ московскихъ вельможъ къ монахинямъ. Религіозное настроеніе народа эксплуатировали также въ свою пользу различныя святоши, юродивые и другіе шарлатаны, которыми кишѣло Московское государство. Павелъ Алеппскій видѣлъ у патріарха Никона одного такого чудодѣя, который всегда ходилъ голымъ; онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что патріархъ, далеко не отличавшійся легковѣріемъ своихъ современниковъ, посадилъ его на почетное мѣсто и самъ прислуживалъ ему. Впрочемъ въ юродствѣ была и другая сторона: юродивыя часто являлись выразителями народныхъ стремленій и, пользуясь своимъ особеннымъ положеніемъ, высказывали самымъ сильнымъ людямъ въ лицо то, чего не рѣшались сказать другіе. Поэтому одинъ англійскій писатель о Россіи предшествующаго времени, Флетчеръ, очень мѣтко сравниваетъ ихъ съ пасквилями, то-есть рукописными произведеніями, написанными на знатныхъ лицъ, которыя ходили тогда по рукамъ въ Англіи. Онъ разсказываетъ, что одинъ подобный юродивый долго обличалъ Іоанна Грознаго въ его злодѣйствахъ; послѣдній терпѣлъ, терпѣлъ да и велѣлъ его утопить... Впрочемъ, это былъ исключительный случай; обыкновенно же юродивому все сходило съ рукъ.

Богослуженіе въ Московскомъ государствѣ отличались страшной продолжительностью. У Павла Алеппскаго мы постоянно находимъ жалобы на это, и въ одномъ мѣстѣ онъ не знаетъ, какъ благодарить патріарха за то, что тотъ освободилъ его отъ обязанности присутствовать въ соборѣ въ одинъ изъ праздниковъ. Вотъ что испыталъ, напримѣръ, несчастный архидіаконъ въ день памяти св. Петра, митрополита Московскаго. «Служба (наканунѣ), пишетъ онъ, была большая и торжественная. Мы вышли изъ церкви лишь при восходѣ солнца, умирая отъ усталости и отъ стоянія на ногахъ отъ 9-ти часовъ вечера до 6-ти часовъ утра... Богъ свидѣтель, что душа едва не покинула насъ. Что касается до меня, бѣднаго, то я хотѣлъ выйти и убѣжать изъ алтаря, но не могъ, ибо царь стоялъ передъ южными дверьми, а царица передъ сѣверными, такъ что поневолѣ приходилось страдать... Когда я вернулся въ свое помѣщеніе, Богъ свидѣтель, я въ теченіе трехъ дней не могъ стоять на ногахъ, словно ихъ рѣзали желѣзомъ. Болѣе всего насъ удивило, что дѣти и малютки, и при томъ не простолюдиновъ, а вельможъ, стояли неподвижно и не шевелясь, словно статуи... Какая вѣра!.. Какаи выносливость!.. Спустя часъ послѣ нашего выхода изъ собора снова зазвонили въ колокола, и мы вернулись туда, измученные, умирая отъ усталости, дремоты и холода...» Почти всѣ торжественныя богослуженія были обставлены особыми церемоніями, которыхъ совсѣмъ не знали греки. Такъ, при посвященіи въ архіереи, къ вновь рукоположенному назначались четыре человѣка, которые должны были всюду слѣдовать за нимъ въ красныхъ одеждахъ съ широкими рукавами, въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ и съ жезлами въ рукахъ; они назывались халдеями и изображали собой воиновъ Навуходоносора, осудившаго на сожженіе трехъ отроковъ. Въ продолженіе трехъ дней новый епископъ съ такой свитой объѣзжалъ вокругъ столицы и благословлялъ ее. Обыкновенно каждое посвященіе архіерея сопровождалось богатыми подарками царю и патріарху.

Крестные ходы были безпрестанно. Особенно любимымъ торжествомъ было шествіе на осляти, которое совершалось въ Вербное воскресеніе въ память входа Господня въ Іерусалимъ. Вотъ какъ описываетъ это торжество Павелъ Алеппскій: «Когда пробило три часа, патріархъ вышелъ изъ своихъ покоевъ, облаченный въ мантію изъ зеленаго бархата, на которой были вышиты серафимы изъ драгоцѣнныхъ камней. Двѣ крайнія бѣлыя полосы были изъ превосходнаго жемчуга, а средняя красная—изъ драгоцѣнныхъ бусъ. На головѣ былъ бѣлый клобукъ, подобно митрѣ, украшенный золотомъ и драгоцѣнными камнями. На клобукѣ—крестъ, а спущенные концы клобука покрыты также золотомъ и драгоцѣнными камнями. Еще раньше всѣ діаконы, чтецы и иподіаконы, надѣвъ свои стихари въ патріаршихъ покояхъ, вышли передъ патріархомъ со свѣчами и пѣли стихиры въ честь Лазаря, направлялись въ церковь, іеродіаконы же окружали его. Войдя въ церковь, патріархъ поднялся на архіерейское мѣсто и помолился, при чемъ всѣ діаконы вмѣстѣ съ пѣвчими пѣли «Достойно есть», а затѣмъ «Многая лѣта». Патріархъ благословилъ народъ трикиріемъ, сошелъ и приложился вмѣстѣ съ другими архіереями, принимавшими участіе въ церемоніи, по обычаю, къ образамъ, престолу, кресту и жертвеннику. Послѣ ихъ облаченія, патріарху поднесли вѣтвь вербы, отъ которой онъ отломилъ себѣ одну вѣточку, а остальныя роздалъ всѣмъ присутствующимъ, сначала служащимъ, потомъ царскимъ вельможамъ, которые, по случаю торжества, были одѣты въ одежды изъ золотой парчи. Затѣмъ патріархъ вошелъ въ алтарь и началъ чинъ крестнаго хода. Онъ прочелъ положенную молитву, а архидіаконъ передъ царскими вратами произнесъ большую ектенію, послѣ которой патріархъ сказалъ возгласъ; затѣмъ онъ взялъ кадильницу, окадилъ крестъ на престолѣ и, приложившись къ нему, положилъ его на серебрянный подносъ, носимый однимъ изъ діаконовъ; онъ окадилъ также маленькое вызолоченное евангеліе, которое взялъ самъ. Всѣ

мы вышли изъ западныхъ дверей храма: сначала хоругви, а потомъ священникъ и игумены монастырей, числу которыхъ не было счету. Передъ всѣмъ этимъ крестнымъ ходомъ везли большое дерево, котораго вѣтви украшали съ ранняго утра до настоящаго времени. Къ нимъ привѣшивали кисти изъ изюма, леденцовъ и крѣпко привязывали. Вокругъ него прикрѣпляли доски, на которыя стали шесть малолѣтнихъ пѣвчихъ, которые пѣли очень высокимъ голосомъ стихиры въ честь св. Лазаря. Всѣхъ ихъ везла пара лошадей скорымъ шагомъ. Съ ранняго утра снарядили сто отроковъ изъ дѣтей стрѣлецкихъ и дали имъ изъ царской казны сто кафтановъ изъ сукна разныхъ цвѣтовъ: зеленаго, краснаго, голубого, желтаго и иныхъ; каждый изъ нихъ надѣлъ кафтанъ и приготовился къ церемоніи. Руководить ими было поручено особому сотнику. Потомъ подвели къ патріарху лошадь, всю покрытую бѣлымъ холстомъ, такъ что глаза ея были видны... На лошади, взамѣнъ сѣдла, было устроено бархатное сѣдалище въ родѣ кресла, обращенное на одну сторону... Патріарху подали стулъ, покрытый чернымъ сукномъ, и онъ при помощи его сѣлъ на лошадь въ упомянутое сѣдалище, свѣсивъ ноги и прислонившись къ его спинкѣ; въ правой рукѣ онъ держалъ крестъ, а въ лѣвой евангеліе... Затѣмъ подошелъ царскій намѣстникъ и, взявъ лошадь подъ уздцы, повелъ ее... Если бы въ это время находился въ Москвѣ самъ царь (онъ былъ на войнѣ съ Польшей), то онъ самъ повелъ бы коня патріарха... Съ обѣихъ сторонъ были выстроены стрѣльцы... Упомянутые отроки, по пяти человѣкъ съ каждой стороны, спѣшили взапуски разстилать свои кафтаны, одинъ рядомъ съ другимъ, подъ ноги патріаршей лошади и, когда лошадь проходила по нимъ, они быстро поднимали ихъ и, забѣжавъ впередъ, снова разстилали. Въ это время всѣ колокола гудѣли такъ, что казалось, какъ будто дрожала земля.

Патріархъ осѣнялъ крестомъ народъ направо и налѣво, а за нимъ шли архіереи; высшіе же санами и

патріаршіе бояре, вмѣстѣ со стрѣлецкими начальниками, замыкали шествіе, а также и окружали его со всѣхъ сторонъ и шли впереди. Архидіаконъ съ другимъ діакономъ поодаль, кадили патріарху... Такимъ образомъ шествіе достигло большого храма, извѣстнаго подъ именемъ церкви Пресвятой Троицы (нынѣ церковь Василія Блаженнаго). Приблизившись къ этому храму, оно остановилось... Патріарху опять подали стулъ, покрытый сукномъ; онъ сошелъ съ лошади у ступеней крыльца и поднялся въ одинъ изъ предѣловъ этого храма во имя Входа Господня въ Іерусалимъ... Здѣсь былъ совершенъ чинъ крестнаго хода... Когда вышли изъ церкви, патріархъ снова сѣлъ на лошадь, а «сани съ древомъ» и діаконы пошли впередъ; каждый изъ нихъ занялъ опять свое мѣсто. Отроки опять постилали свои кафтаны, пока мы не возвратились въ соборній храмъ, сопровождаемые колокольнымъ трезвономъ. Мы вошли въ храмъ, а «сани съ древомъ» остановились передъ южными вратами церкви. Патріархъ взошелъ на архіерейское мѣсто, а прочіе заняли мѣста вокругъ него; начались часы и обѣдня... По окончаніи обѣдни патріархъ прочелъ поученіе на этотъ день, совершилъ отпускъ и, сойдя съ амвона, вышелъ изъ южныхъ вратъ храма... Подойдя къ дереву, онъ окадилъ и благословилъ его. Двѣ вѣтви, по его приказанію, были отрублены стрѣльцами и внесены въ церковь. Здѣсь ихъ разрѣзали на мелкія части и положили на серебряные подносы вмѣстѣ съ изюмомъ, сахаромъ и яблоками, и патріархъ отослалъ это царицѣ, ея сыну, дочерямъ и сестрамъ царя. Остальныя части дерева раздѣлилъ между собою народъ. Русскіе имѣютъ большую вѣру въ означенное дерево и берутъ части его съ большимъ благоговѣніемъ. Намъ передавали, что оно приноситъ пользу во всѣхъ болѣзняхъ, въ особенности при зубной боли; если положить кусочекъ его на больной зубъ, то боль проходитъ».

Еще болѣе любопытная церемонія совершалась въ воскресеніе передъ Рождествомъ. Это такъ называемое

«Пещное дѣйство». Это дѣйство было установлено въ память извѣстнаго библейскаго чуда съ тремя отроками, брошенными въ пещь огненную вавилонскимъ царемъ Навуходоносоромъ. Обыкновенно, за нѣсколько дней до совершенія его, начиналось приготовленіе, состоящее въ томъ, что въ соборной церкви устраивалось подобіе печи. Самое «дѣйство» совершалось въ Москвѣ патріархомъ, а по другимъ городамъ—архіереями. Передъ началомъ его благовѣстили съ часъ для большей торжественности. Въ установленное время являлись участники торжества, изъ которыхъ четверо изображали трехъ отроковъ и ихъ учителя, а двое остальныхъ—воиновъ Навуходоносора и назывались поэтому «халдеями»; послѣдніе были въ странныхъ одеждахъ, въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ и съ выдолбленными палками, наполненными особенной горючей травой. Когда владыка входилъ во храмъ, то впереди его шествовали «отроки» съ зажженными свѣчами, а по бокамъ «халдеи». Затѣмъ начиналась обычнымъ порядкомъ всенощная. За шесть часовъ до разсвѣта, во время седьмой пѣсни канона, которая, какъ извѣстно, посвящена воспоминанію чуда въ Вавилонѣ, «учитель отроковъ» дѣлалъ три земныхъ поклона передъ образами и обращался къ владыкѣ съ такими словами: «Благослови владыко отроковъ на уреченное мѣсто поставити». Владыка благословлялъ его, говоря: «Благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!». Тогда «учитель» обвязывалъ шеи «отроковъ» полотенцемъ и, по данному знаку владыки, передавалъ ихъ «халдеямъ», которые подводили ихъ къ «пещи». Въ это время между ними происходилъ такой разговоръ. Одинъ изъ «халдеевъ», указывая «отрокамъ» на пещь, говорилъ имъ: «Дѣти царевы!.. видите ли сію пещь, огнемъ горящу и вельми распаляему! Другой добавлялъ. «Сія пещь уготовася вамъ на мученія». Одинъ изъ «отроковъ», представлявшій собою Ананію, возражалъ: «Видимъ мы пещь сію, но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небесахъ, Ему же служимъ,—Той силенъ изъяти насъ отъ

пещи сія»... Представлявшій Азарію продолжалъ: «И отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ», а Миссаилъ заканчивалъ: «А сія пещь будетъ не намъ на мученіе, а вамъ на обличеніе...» Послѣ этого отроки пѣли: «И потщимся на помощь...» какъ бы приготовляясь на мученія. Во время пѣнія между «халдеями» происходитъ такой разговоръ: «Товарищъ!» Чего?—«Эти дѣти царевы?»—Царевы.—«Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?»—Не слушаютъ!—«А златому тельцу не поклоняются?»—Не поклоняются! — «И мы вкинемъ ихъ въ пещь?» — И начнемъ ихъ жечь! Послѣ этой бесѣды «халдеи» ввергали «отроковъ» въ «пещь» и начинали ходить кругомъ, бросая изъ палокъ зажженную траву, которая имѣла свойство быстро гаснуть, а потому была безопасна. Между тѣмъ протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ: «И правы пути твои и судьбы истины сотворилъ еси», во время которой діаконы брали у «халдеевъ» ихъ палки съ огнемъ. Когда протодіаконъ доходилъ до словъ пѣсни: «Ангелъ же Господень сниде... въ пещь, яко духъ хладенъ шумящь», то въ «пещь» со страшнымъ громомъ спускался «ангелъ», державшій въ рукѣ зажженную свѣчу; «халдеи» падали, какъ бы пораженные страхомъ, а діаконы опаляли имъ волосы. Въ это время между ними происходилъ такой разговоръ: «Товарищъ!»—Чего?—«Видишь ли?»—Вижу!—«Было три, а стало четыре». Затѣмъ «ангелъ» исчезалъ изъ пещи и снова появлялся въ ней, при чемъ «халдеи» снова падали ницъ отъ страха. Однако совершившееся чудо не заставило «халдеевъ» быть съ отроками деликатнѣе: когда «ангелъ» снова исчезалъ, они обращались къ нимъ съ такою рѣчью: «Ананія! гряди вонъ изъ пещи. Чего сталъ? Поворачивайтесь,—не имѣтъ васъ ни огонь, ни солома, ни сѣра. Мы чаяли—васъ сожгли, а сами обгорѣли!...» Послѣ этого халдеи выводили отроковъ изъ пещи и обрядъ оканчивался многолѣтіемъ царю и властямъ. Затѣмъ всенощная оканчивалась обычнымъ порядкомъ, и послѣ нея владыка приглашалъ участниковъ церемоніи къ себѣ на трапезу.

Однако, роль «халдеевъ» не ограничивалась однимъ

участіемъ въ церковномъ обрядѣ. По словамъ Олеарія, въ продолженіе всего времени отъ воскресенья передъ Рождествомъ до Богоявленія, они бѣгали по Москвѣ со своими огнями, продѣлывая самыя грубыя шутки съ прохожими. Такъ, на глазахъ этого иностранца, они подожгли возъ сѣна у одного крестьянина, а когда тотъ сталъ сопротивляться, спалили ему волосы и бороду... Кто не хотѣлъ подвергнуться подобнымъ оскорбленіямъ со стороны «халдеевъ», тотъ долженъ былъ платить имъ одну копѣйку. По народному представленію, если «халдей» умиралъ до Богоявленія, то душа его считалась погибшей, какъ душа язычника, а въ день Богоявленія эти грѣховодники купались въ проруби, гдѣ святили воду, думая, что этимъ смываютъ съ себя грѣхи, совершенныя ими въ предшествующее время. Подобныя безобразія были, вѣроятно, главной причиной уничтоженія самаго «дѣйства» патріархомъ Никономъ.

Новый годъ, какъ извѣстно, до Петра Великаго начинался съ перваго сентября. Подобно другимъ торжественнымъ днямъ, онъ также знаменовался въ Москвѣ особымъ церковнымъ обрядомъ, или «дѣйствомъ». Оно состояло въ томъ, что патріархъ соборней, со всѣмъ духовенствомъ Первопрестольной, служилъ торжественное молебствіе на соборной площади противъ Краснаго крыльца. Царь и бояре присутствовали на немъ въ роскошныхъ праздничныхъ нарядахъ. Послѣ молебствія царь и патріархъ занимали особыя, устроенныя для нихъ богатыя сѣдалища, и всѣ духовныя и свѣтскія власти столицы, подходя по очереди, поздравляли ихъ съ новымъ годомъ. Вслѣдъ затѣмъ народъ билъ царю челомъ до земли и многолѣтствовалъ его. О томъ, какъ праздновали этотъ день въ провинціи, любопытныя извѣстія сообщаетъ Павелъ Алеппскій. Новый годъ засталъ его въ Новгородѣ. Послѣ молебствія съ водосвятіемъ, совершеннаго самимъ патріархомъ Макаріемъ, его отцемъ, пишетъ Павелъ: «выступилъ воевода, одѣтый въ великолѣпную парчевую

одежду и, подойдя къ нашему владыкѣ-патріарху, онъ наклонился и выразилъ благопожеланіе царю, говоря: «Я рабъ царя славнѣйшаго и достохвальнаго» и много славилъ его, говоря его титулъ и имя; затѣмъ продолжалъ: «Я рабъ царицы», и славилъ ее, называя ея имя; я рабъ ихъ сына»... и прославлялъ его также; я рабъ сестеръ царя и дочерей его»... Затѣмъ онъ испрашивалъ для нихъ у Бога долгой жизни и поздравлялъ ихъ заочно съ наступленіемъ новаго благословеннаго года, прибавляя еще много пожеланій и похвалъ. Потомъ выразилъ благопожеланія нашему учителю и поздравилъ его съ новымъ годомъ. Равнымъ образомъ поступилъ и митрополитъ. Послѣ нихъ подошли архимандриты и сдѣлали то же самое. Затѣмъ всѣ присутствующіе начали поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ, такъ какъ въ этой странѣ день новолѣтія очень великъ... Всѣ были одѣты въ лучшія свои платья, особенно женщины... Такъ поступаютъ въ этой странѣ и всѣ воеводы съ духовенствомъ». Весь этотъ день наши предки проводили въ веселіи, по праздничному.

Мы не будемъ утомлять читателя описаніемъ другихъ московскихъ процессій, а въ заключеніе позволимъ себѣ дать ему общую картину Москвы. Вотъ какъ ее описываетъ шведскій военный агентъ Пальмквистъ.

«Городъ Москва раздѣляется тремя рѣками: Москвой, Неглинной и Яузой на слѣдующія отдѣльныя части: первая часть—замокъ, называемый Кремлемъ, окруженъ съ сѣверной, западной и южной сторонъ рѣками Москвой и Неглинной и обведенъ очень высокими и крѣпкими стѣнами и башнями, въ особенности восточная и южная стороны, имѣющія отъ двухъ до трехъ стѣнъ. Другая часть также имѣетъ свои особенныя стѣны и башни и называется Китай-городомъ, или Красной стѣной, потому что построена изъ кирпича. Третья часть обведена бѣлыми стѣнами и башнями и называется Царь-городомъ, или бѣлой стѣной, четвертая часть обведена деревянными стѣнами и башнями, сверхъ того земляным валомъ; но какъ этотъ

послѣдній, такъ и самыя башни во многихъ мѣстахъ обрушились, и на нихъ обращаютъ такъ мало вниманія, что по нимъ, ради сокращенія пути, пролагаютъ множество дорогъ безъ запрета съ чьей-либо стороны. Пятая часть обведена деревяннымъ земляным валомъ, снабженнымъ бастіонами, и, хотя эти послѣднін не доведены до совершенства и не поддерживаются надлежащимъ образомъ, тѣмъ не менѣе они очень пригодны для обороны; тамъ помѣщается царская лейбъ-гвардія, состоящая изъ 14,000 стрѣльцовъ и 600 вербованныхъ солдатъ. Извнѣ городъ очень привлекателенъ, благодаря множеству церквей, монастырей и часовенъ... Всѣ церкви построены изъ камня, и каждая съ пятью башнями, изъ которыхъ средняя больше и выше другихъ, шпицы и куполы обиты частью вызолоченной, частью полированной жестью, отчего прекрасно блестятъ на солнцѣ. Но въ городѣ найдется мало строеній, которыя согласовались бы съ этимъ внѣшнимъ блескомъ: исключая нѣкоторые каменные дома, принадлежащіе боярамъ и самымъ богатымъ купцамъ, весь городъ состоитъ изъ простыхъ, построенныхъ безъ всякаго фасона, деревянныхъ строеній, вслѣдствіе чего тамъ безпрестанно случаются пожары, уничтожающіе по крайней мѣрѣ, по нѣсколько домовъ, если не цѣлые кварталы и улицы. Пожары здѣсь никогда не тушатъ водой, но ломаютъ близъ лежащіе дома; это исполняютъ стрѣльцы, обязанные являться на каждый пожаръ съ топорами и пожарными лѣстницами... Съ восточной стороны Москвы, на разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ, построено особое деревянное предмѣстье, называемое русскими «Нѣмецкой слободой» и населенное нѣмецкими офицерами и ремесленниками. Здѣсь лютеране и кальвинисты имѣютъ свои церкви... На сѣверной сторонѣ находится такое же предмѣстье для поляковъ и литовцевъ, которое называется «Польской слободой». Помимо этого въ окрестностяхъ Москвы находится множество прекрасныхъ загородныхъ домовъ съ красивыми садами и итальянскими сооруженіями, принадлежащихъ

частью царю, какъ Измайловскій и Покровскій дворцы, частью царицѣ и различнымъ князьямъ».

Подводя итоги всего сказаннаго нами о государственномъ и домашнемъ бытѣ нашихъ предковъ XVII-го столѣтія на основаніи современныхъ извѣстій, мы можемъ охарактеризовать его такъ: полное равнодушіе къ общему благу, мертвящій гнетъ чиновничества въ общественной жизни и подъ личиной набожности, страшная нравственная распущенность въ частной.

Такимъ образомъ при болѣе близкомъ знакомствѣ съ допетровской Русью исчезаетъ представленіе о ней, какъ о блаженной странѣ праведниковъ. Если вообще возможенъ золотой вѣкъ на землѣ, то онъ впереди насъ, а не позади и приближается по мѣрѣ распространенія просвѣщенія и уравненія всѣхъ передъ закономъ.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Стрѣлецкіе бунты.

Ничего не можетъ быть опаснѣе въ государствѣ для законнаго правительства, чѣмъ войско, всѣ чины котораго служатъ пожизненно и даже передаютъ свои званія по наслѣдству; въ немъ вырабатываются свои особенные интересы; солдаты привыкаютъ смотрѣть на остальное общество какъ на нѣчто чуждое для себя, и сознавая, что сила въ ихъ рукахъ, стремятся хозяйничать въ государствѣ. Исторія знаетъ множество примѣровъ того, какъ такое войско начинало распоряжаться верховной властью, возводило и низвергало правителей. Такую роль въ Римѣ играли преторіанцы (такъ называлась гвардія Римскихъ императоровъ), въ Турціи—янычары, у насъ въ XVII-мъ столѣтіи чуть было не начали играть такую роль стрѣльцы, а впослѣдствіи въ XVIII-мъ столѣтіи эта роль выпала на долю гвардіи. Только тогда военная сила не представляетъ для существующаго порядка опасности, когда она находится въ тѣсной связи съ остальнымъ обществомъ, постоянно пополняется изъ него и возвращаетъ ему взятое. Въ настоящее время подобный порядокъ наблюдается почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ благодаря общей воинской повинности.

До семнадцатаго столѣтія главной военной силой Московскаго государства была конница, состоявшая главнымъ образомъ изъ представителей среднихъ классовъ служилаго сословія—дѣтей боярскихъ и дворянъ, но въ XVII-мъ столѣтіи она стала уступать свое значеніе пѣхотѣ—стрѣльцамъ. Часть послѣднихъ составляла уже раньше

ше гвардію московскихъ государей. Стрѣльцы вербовались изъ низшихъ слоевъ общества, служили пожизненно и передавали свое званіе по наслѣдству, а начальными людьми надъ ними назначались представители болѣе высокихъ слоевъ служилаго сословія. Всѣмъ стрѣлецкимъ войскомъ управлялъ стрѣлецкій приказъ, въ которомъ, по словамъ Котошихина, сидѣлъ бояринъ, а съ нимъ товарищи: дворянинъ да два дьяка. Это войско было расквартировано по городамъ слободами, въ которыхъ на каждаго стрѣльца долженъ былъ быть отведенъ извѣстный участокъ земли.

Стрѣльцы и сами по себѣ, какъ наслѣдственное войско, представляли большую опасность для государства, но вдобавокъ они еще постоянно находились въ возбужденіи, вслѣдствіе злоупотребленій со стороны ихъ начальства которое, будучи чуждо своимъ подчиненнымъ по происхожденію, драло съ нихъ, какъ говорится, по двѣ шкуры. Вотъ какъ впослѣдствіи само правительство исчисляло одному стрѣлецкому полковнику его проступки: «Будучи ты у того приказа *), имъ, стрѣльцамъ, и налоги, и обиды, и всякія тѣсности чинилъ, и, примѣтываяся къ нимъ для взятокъ своихъ и для работъ, билъ ихъ жестокими бои; и для своихъ же взятокъ, по наговорамъ пятисотыхъ и приставовъ, изъ нихъ стрѣльцовъ билъ батоги; ругательствомъ, взявъ въ руки батоги по два, по три и по четыре и на ихъ стрѣлецкихъ земляхъ, которыя имъ отведены подъ дворы, и на вымороченныхъ мѣстахъ построилъ загородные огороды, и всякія овощныя сѣмена на тѣхъ огородахъ покупати имъ велѣлъ на сборныя деньги; и для строенія и работы на тѣ свои загородные огороды женъ ихъ и дѣтей посылалъ работать; и въ деревни свои прудовъ копати, и плотинъ и мельницъ дѣлати, и лѣсъ чистить, и сѣно косить, и дровь сѣчь, и къ Москвѣ на ихъ стрѣлецкихъ подводахъ заставливалъ; и для тѣхъ своихъ работать велѣлъ имъ покупать лошадей неволею, бивъ батоги; и кафтаны цвѣтные съ золотыми нашивками, и шап-

*) Стрѣлецкіе полки назывались также приказами.

ки бархатныя, и сапоги желтые неволею же дѣлать имъ велѣлъ. А изъ государственнаго жалованья вычиталъ ты у нихъ многія деньги и хлѣбъ и тѣми сборными и остаточными деньгами и хлѣбомъ корыстовался; и изъ стѣнныхъ и съ прибылыхъ карауловъ, и изъ недѣльныхъ, и въ слободахъ съ съѣзжихъ изъ стрѣльцовъ въ спускъ по тридцати, и по сороку, и по пятидесяти человѣкъ и больше спускалъ; а за то имѣлъ ты съ человѣка по четыре и пяти алтынъ, и по двѣ гривны, и больше, а съ недѣльныхъ по десяти алтынъ, и по четыре гривны, и по полтинѣ, и тѣми деньгами корыстовался»... Мы нарочно сдѣлали эту довольно большую выписку, чтобы яснѣе указать читателю причины стрѣлецкихъ бунтовъ. Понятно, что стрѣльцы не могли сносить долго подобныхъ притѣсненій... Однако, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда верховная власть была во всей своей силѣ, они молчали и заговорили громко только при его слабомъ сынѣ Ѳеодорѣ. Такъ, стрѣльцы, находившіеся подъ командой полковника Пыжева, били на него челомъ молодому государю за то, что онъ вычиталъ у нихъ половину жалованья, а иной разъ и больше; но ихъ только наказали за это кнутомъ. Жалобы подчиненныхъ на другого полковника (Грибоѣдова) привели только къ тому, что онъ былъ посаженъ въ тюрьму на одинъ день. Стрѣльцамъ оставалось своей силой добиваться правосудія, а наставшее послѣ смерти Ѳеодора междуцарствіе вполнѣ способствовало этому.

Царь Ѳеодоръ умеръ бездѣтнымъ; ему долженъ былъ наслѣдовать слѣдующій за нимъ братъ Іоаннъ, но его устранили вслѣдствіе слабости здоровья и умственныхъ способностей, а царемъ былъ превозглашенъ младшій братъ Ѳеодора, Петръ, за малолѣтствомъ котораго власть перешла къ матери его, царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, урожденной Нарышкиной. Правительство поступило сначала справедливо и предало суду наиболѣе ненавистныхъ стрѣльцамъ своими злоупотребленіями полковниковъ (изъ выставленныхъ противъ нихъ обвиненій мы и сдѣлали выше

выписку). Однако, когда Наталья Кирилловна вызвала ко двору своего воспитателя, извѣстнаго друга царя Алексѣя Михайловича, боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, находившагося до того времени въ ссылкѣ, то онъ возсталъ противъ якобы дѣлаемыхъ стрѣльцамъ поблажекъ и съ первыхъ же дней пребыванія своего въ Москвѣ скомпрометировалъ себя чрезвычайной близостью съ особенно ненавистнымъ для подчиненныхъ начальникомъ стрѣлецкаго приказа, кн. Долгорукимъ, надъ которымъ также должно было быть наряжено слѣдствіе. Это сразу оттолкнуло стрѣльцовъ отъ новаго правительства, которое не чувствовало еще подъ собой твердой почвы, и привело къ роковымъ для него послѣдствіямъ...

Этой оплошностью очень ловко воспользовалась царевна Софья, которая сначала постаралась расположить стрѣльцовъ въ свою пользу, а потомъ пустила слухъ о томъ, что родственники царевича Петра задушили его старшаго брата. Стрѣльцы съ ревомъ бросились къ Красному крыльцу и потребовали, чтобы къ нимъ вывели царевича Іоанна. Увидѣвъ его въ цѣлости они было успокоились, но тутъ все дѣло испортилъ тотъ же Долгорукій: онъ вышелъ къ стрѣльцамъ и началъ громко угрожать имъ; увидѣвъ своего ненавистнаго начальника, они бросились на него, сбросили съ крыльца и изрубили въ куски. Какъ обыкновенно бываетъ, первая кровь опьянила стрѣльцовъ и была началомъ ужасныхъ звѣрствъ: стрѣльцы ворвались во дворецъ начали разыскивать непріятныхъ для нихъ бояръ и избивать ихъ. Тутъ погибъ ужаснымъ образомъ Матвѣевъ, и царица должна была выдать на такую ужасную смерть и своего родного брата Ивана Кирилловича Нарышкина. Мятежники поднимали убитыхъ бояръ на копья и несли ихъ съ торжествомъ, крича народу: «Сторонитесь... идетъ бояринъ такой то...» Принеся на Красную площадь, они сбрасывали ихъ съ копій и рубили на куски... Нѣсколько дней убитые валялись безъ погребенія... Такія сцены происходили на глазахъ будущаго царя Петра, и поэтому мы

не будемъ удивляться тому, что выросши, онъ сдѣлался жестокимъ мстителемъ за пролитую кровь, особенно если примемъ во вниманіе, что убитые были самыми близкими ему людьми... Слѣдствіемъ мятежа было устраненіе Натальи Кирилловны и возведеніе на престолъ обоихъ царевичей, за малолѣтствомъ которыхъ правленіе было вручено царевнѣ Софьѣ.

Новое правительство было, такъ сказать, создано стрѣльцами, а поэтому они высоко подняли головы. Къ нимъ пристала другая часть общества, которая чувствовала себя наиболѣе угнетенной,—раскольники. Въ Москвѣ еще свѣжа была память объ ужасныхъ казняхъ первыхъ расколоучителей и особенно о страданіяхъ благоговѣйно чтимыхъ раскольниками мученицъ за «старую вѣру», боярыни Морозовой и ея сестры княгини Урусовой. Не нужно забывать также, что расколъ въ первое столѣтіе его существованія имѣлъ не только религіозный, но и политическій характеръ: патріархъ Никонъ, проводя свои реформы, опирался на свѣтскую власть, и поэтому значительная часть недовольныхъ ею примкнули къ его противникамъ, а недовольныхъ было не мало въ обществѣ, изнуренномъ всевозможными налогами и тяготами. Теперь расколъ поднялъ также высоко голову, такъ какъ обстоятельства сложились для него благопріятно: во главѣ торжествующихъ стрѣльцовъ былъ поставленъ на мѣсто Долгорукаго кн. Хованскій, умѣвшій различными поблажками снискать среди нихъ популярность, а его знаменитѣйшій изъ расколоучителей Аввакумъ называлъ «своимъ миленькимъ другомъ». Союзъ этихъ двухъ силъ могъ создать большія затрудненія для правительства. Хованскій добился того, что съ раскольниками было назначено въ присутствіи правительницы въ Грановитой Палатѣ преніе, въ которомъ долженъ былъ принять участіе самъ патріархъ. До сихъ поръ ихъ только преслѣдовали и жгли, а теперь самъ патріархъ снизошелъ до бесѣды съ ними... Однако, на этомъ диспутѣ «никоніяне» оказались болѣе искусными против-

никами, а поэтому раскольничьи старцы, отчаявшись побѣдить ихъ словами, рѣшили по доброму русскому обычаю пустить въ ходъ кулаки... Въ присутствіи царевны произошли въ Грановитой Палатѣ самыя безобразныя сцены, и наиболѣе даровитый изъ тогдашнихъ іерарховъ, архіепископъ Афанасій подвергся побоямъ... Однако, правительница нашлась и ловкимъ манеромъ разъединила интересы стрѣльцовъ и раскольниковъ: она въ слезахъ обратилась къ выборнымъ стрѣльцамъ, которые составляли караулъ, горько жаловалась имъ на своевластіе старцевъ и богатыми обѣщаніями убѣждала ихъ водворить порядокъ. Стрѣльцы, для большинства которыхъ было все равно креститься ли двумя или тремя перстами, польстились на богатыя обѣщанія, приняли сторону правительницы и перехватили мятежныхъ старцевъ... Самый задорный изъ послѣднихъ, Никита, прозванный въ народѣ Пустосвятомъ, сложилъ на плахѣ свою буйную голову... Такимъ образомъ, Хованскій, обѣщавшій раскольникамъ безопасность, былъ поставленъ въ самое непріятное положеніе, и союзъ между двумя опасными для правительства силами сдѣлался невозможнымъ. Царевна Софья продолжала свою хитрую политику: вскорѣ стрѣльцамъ были объявлены различныя милости, тогда какъ раскольники во все ея правленіе подвергались такимъ же преслѣдованіямъ, какъ и до нея.

Такое отношеніе новаго правительства къ стрѣльцамъ внушило честолюбивыя мысли Хованскому. Говорятъ, что онъ задумалъ даже выдать царевну насильно замужъ за своего сына. Однако Софья нашлась: она поскакала въ Троицкую Лавру и стала поднимать государство на защиту царской фамиліи, которой будто бы грозила опасность... Потянулись въ Лавру служилые люди... Поѣхалъ туда и Хованскій, но царевна велѣла схватить его съ сыномъ по дорогѣ и убить. Стрѣльцы заволновались было, но должны были смириться, почуя надъ собою не женскую руку. Преемникомъ Хованскаго былъ дьякъ Шакловитый, сторонникъ Софьи, съ которымъ мы уже встрѣчались, чело-

вѣкъ хотя и неразборчивый на средства, но умный и энергичный. Онъ держалъ стрѣльцовъ въ повиновеніи, не баловалъ ихъ, какъ Хованскій, но и не давалъ ихъ въ обиду. Вѣроятно только вслѣдствіе его строгости въ рѣшительную минуту часть стрѣльцовъ выдала его Петру, такъ какъ деморализованное то притѣсненіями, то полнымъ своеволіемъ стрѣлецкое войско, конечно, менѣе всего думало о томъ на чьей сторонѣ правда. На пыткахъ Шакловитый со своими сторонниками признался въ томъ, что злоумышлялъ противъ царицы Наталіи Кирилловны, но отрицалъ умыслы противъ Петра. Есть извѣстіе, что послѣдній сначала не хотѣлъ его казнить, но принужденъ былъ уступить боярамъ, то-есть, безъ сомнѣнія своимъ родственникамъ Нарышкинымъ. Это извѣстіе вполнѣ заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ Петръ умѣлъ цѣнить способности и въ противникахъ.

Однако, и правительство Петра не сразу справилось со стрѣльцами; во время пребыванія Петра за границей, вдругъ вспыхнулъ новый бунтъ стрѣльцовъ; поводомъ къ нему были опять притѣсненія, которымъ подверглись стрѣльцы. Часть ихъ, посланная въ Азовъ, служила вѣрой и правдой противъ татаръ; много вынесла она горя:—наконецъ былъ полученъ желанный приказъ о возвращеніи ея въ Москву. Вдругъ стрѣльцовъ съ дороги отправляютъ на литовскую границу, гдѣ имъ пришлось терпѣть отъ скуднаго содержанія до такой степени, что многіе изъ нихъ ходили по міру... Въ это время пронесся между ними слухъ, что Петръ погибъ за границей и что власть захватили бояре... Тогда они рѣшили итти на Москву для того, чтобы перебить бояръ и возвести на престолъ царевну Софью, но по дорогѣ потерпѣли страшное пораженіе отъ войскъ, организованныхъ по западно-европейскому образцу, которыми командовалъ бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ. Послѣ этого былъ произведенъ розыскъ, и наиболѣе виновные изъ стрѣльцовъ были казнены. Однако вернувшись изъ-за границы, Петръ не удовольство-

вался этимъ и произвелъ новый розыскъ съ большей жестокостью. Множество стрѣльцовъ было подвергнуто самымъ безчеловѣчнымъ пыткамъ и затѣмъ казнено... Тѣмъ изъ нихъ, которые были познатнѣе, отрубили головы, кому въ любимомъ селѣ государя—Преображенскомъ, а кому на Красной площади или другомъ мѣстѣ Москвы; остальныхъ перевѣшали по валамъ и по стѣнамъ города, особенно вокругъ Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ была заключена царевна Софья... При этомъ самъ царь нерѣдко забывалъ свой санъ и собственноручно принимался рубить головы мятежникамъ... Его приближенные должны были слѣдовать его примѣру... Изъ нихъ обладавшіе наиболѣе крѣпкими нервами, вродѣ Меньшикова, отлично вошли въ роль палачей, но другіе, какъ князь Голицынъ, принимаясь за дѣло дрожащими руками, только усугубляли страданія несчастныхъ... Патріархъ хотѣлъ прекратить кровопролитіе и явился къ Петру съ иконой просить милости осужденнымъ. Но царь отвѣтилъ грозно: «Зачѣмъ пришелъ сюда съ иконой? Поставь ее на мѣсто и не мѣшайся не въ свои дѣла. Я не меньше тебя почитаю Бога и Пресвятую Богородицу, но мой долгъ передъ Богомъ охранять народъ и казнить злодѣевъ, которые посягаютъ на его благосостояніе!..»

Военные реформы Петра великаго погребли стрѣлецкое войско и создали на его мѣсто изъ потѣшныхъ полковъ гвардію.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00051775710